

Чавишев Ибрагим Камилович

Весеннее полнолуние

18+

Ибрагим Камилович Чавишев

Весеннее полнолуние

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42021245

SelfPub; 2019

Аннотация

Главный герой, бывший коммунистический функционер, а в постсоветское время – состоятельный бизнесмен, Вадим, готовит себя в правители новой России. Ранней весной, в ночь полной луны криминалитет, посягнувший на его активы, для устрашения демонстрирует ему жуткое убийство личного шофера. В страхе Вадим со своей девушкой Валентиной покидает страну. Но в новой обстановке, в весеннее полнолуние светило "напоминает" о его трусости и обвиняет в предательстве. Чтобы изжить непосильный укор, Вадим обращается за помощью к возвращенному в воображении антиподу, который берет власть над ним, подводит к опасной черте.

ГЛАВА 1

Субтропическое солнце в свою весеннюю пору играло весело и с блеском. Не пекло, когда без прыгучего восторга вникаешь в суть топленого масла – и все же тянуло в тень.

В такой жаркий полдень вызывала недоумение манера поведения Вадима: он стоял неподвижно, открытый солнечным лучам. Против здравого рассудка одет был не по сезону в этих краях: в брюки и рубашку с длинными рукавами, которые наглядно висели на его исхудалом теле. Правда, покров завершали не теплые ботинки, а надетые на босу ногу пыльные шлепанцы. И лицо было непривлекательным. Светлые, тронутые сединой волосы свисали слипшимися прядями. Впалые щеки покрывала топорщившаяся щетина, которая переходила в реденькую бородку. Выглядел не по возрасту, ведь он едва перевалил за тридцатипятилетний рубеж. Все его домовладение почему-то было опоясано высокой бетонной стеной, что противоречило жизненному укладу местных жителей. У здешних аборигенов вход в их жилища украшали разве что низкие декоративные изгороди.

Впрочем, Вадиму, видать, было не до шуток. Замерев в ожидании, он продолжал стоять возле собственного двухэтажного особняка, напряженно вслушиваясь в стоящую тишину. В глазах искрилось раздражение, готовое выплеснуться злостью.

«Не смей внимать ей! Судьба ее предрешена, – строго на-

ставляла мысль. – В полнолуние твоя гордость задавит ее. Издохнет, издохнет предательница!»

– Издохнет! – возопил Вадим – Джулия, ко мне. Ко мне!

Из-за угла дома выбежала огромная немецкая овчарка в красных солнечных очках.

Тотчас расплывшись в улыбке, Вадим широко раскинул руки:

– Очей очарование! Заждался я Вас, достопочтенная Джулия.

– Вслед за первой показалась вторая собака той же породы.

– Какая наглость, Ромео! – вскричал Вадим. – Я Вас не звал. Вон отсюда! Про-о-чь! – топнул он ногой.

Овчарка в испуге резко остановилась.

– Сударыня Джулия, – обратился Вадим к самке, – прошу отнестись со всей справедливостью к моей невежливой реакции, ибо ваш кавалер заслужил остракизм за свое несносное поведение. Смею догадываться, к чему он Вас склонял, похоти у него хоть отбавляй. А ведь я вас оставил одних, так сказать, тет-а-тет, для того, чтобы он эстети-и-чно попросил Вашей руки. Всего лишь! За свой проступок он должен понести наказание. Да!

«Унижай предательницу, пади на колени», – требовала неотлучная мысль.

Он упал на четвереньки:

– Гав, гав, – грозно двинулся на Ромео.

Овчарка боязливо отступила на шаг. Вадим, приблизившись, цапнул ногтями ее за нос. Собака со скулежом отскочила назад. Не удовлетворившись, он зарычал и вновь двинулся на нее. Животное не стало испытывать судьбу, убежало за дом. Вадим зачастил конечностями следом.

Он вернулся через некоторое время. Поднялся на ноги. Ладонями утер обильный пот с лица, заученными движениями убрал волосы назад, пригладил их.

Джулия тем временем безуспешно пыталась освободиться от противных очков, которые с помощью тесемок прочно восседали на ее переносье.

От Вадима не укрылись ее потуги.

– Чем Вы занимаетесь, сударыня?! – возмутился он. – Не смейте! Ведь давеча я поставил Вас в известность о предстоящем вечернем променаде.

Джулия, как любая собака, была не против прогулки. Но идиотские очки ее доконали, и она не оставляла попыток освободиться от них.

– Не смей! Стоять! Стоять, Джулия! – Вадим затопал ногами

Овчарка подчинилась, села на задние лапы.

– Ромео, сюда! – властно позвал Вадим.

На властный призыв опальная собака вначале с опасением высунула морду из-за угла дома, после послушно подошла к хозяину.

– Ромео, – ласково произнес Вадим, – будьте рыцарем,

развейте печаль своей дамы. Расскажите ей какую-нибудь увлекательную историю из Вашего героического прошлого. Я же ненадолго отлучусь, оставлю вас наедине друг с другом. Ах, как я вам завидую!

За тыльной стеной особняка росли оливковые и цитрусовые деревья. Между стволами некоторых из них на веревках сушилась выстиранная одежда. Изобразив на лице неопишущую радость, Вадим бросился к растянутой веревке с развешанным на ней женским бельем, снял со шпилек бюстгалтер и женские трусики и со вздохом прижал белье к груди.

Выйдя к собакам, Вадим живописно всплеснул руками:
– Ах, что я вижу?! Какой срам!

Оседлавший Джулию Ромео с чувством досады в глазах воспринял появление хозяина, однако не отказался от исполнения желания.

– Срочно слазьте с несчастной Джулии, негодный мальчишка! – раздался приказ.

В ответ пес пошел на риск и... ускорил движения.

– Ваша беззастенчивость вынуждает меня повысить голос. И я его повышаю: Долой с дармовщинки!!! – взвизгнул Вадим.

Ромео сдуло с верха, словно ветром.

– Чтоб я ослеп! Так откровенно, на самом видном месте. Не скрою, Джулия, я был о Вас более высокого мнения. Позор и мои горячие слезы, – Вадим припал лицом к белью.

«Глумись над ней! Сегодня вечером в полнолуние твоя

гордость в схватке с ней возьмет верх. Она усохнет и сгинет, прошлое покинет тебя навечно. Ты выйдешь из заточения свободным. Глумись над этой мразью, глумись!»

Вадим опустил руки, лицо уже утопало в умилении:

– Но мне понятны Ваши чувства, ведь сама я далеко не целомудренная девица. Ах, любовь, любовь.

Джулия в очках, вывалив язык, учащенно дышала. Ромео пожирал ее глазами.

Вадим направил враждебный взгляд на самца:

– А Вы, – от резкого окрика Ромео сжался, поджав хвост, – нарушили мой наказ, снова повторили постыдный проступок, за который сполна получили строгача. Вы цинично, цинично злоупотребляете моим добросердечием. Все! Вседозволенности Вашей настал конец. Вы лишаетесь нашего občества, – Вадим, величественно вытянув руку, указал пальцем в сторону. – Вон с моих глаз! Нет, вот так: вон с наших глаз!

Ромео быстро отошел в сторону, лег на брюхо и с грустью воззрился на хозяина.

Джулия снова принялась за очки.

– Вы опять за свое взялись! – он ударил ее по лапе. – Су-масбродка Вы этакая!

Джулия опустила голову, чем, наверное, выразила обиду. Вадим с безграничным сожалением пал перед ней на колени:

– Ой, простите мою бестактность, я огорчен. Однако обречен заявить: Вы искренне заблуждаетесь, милочка моя, и

печаль Ваша удручает меня. Уверяю, очки Вам впору, они удачно соответствуют Вашему прелестному лику. К ним я подобрал аксессуары вечернего туалета. В таком наряде Вы, душечка, будете чрезвычайно обольстительны.

Вадим раскрыл бюстгальтер:

– Взгляните на подношение, сделайте одолжение. Ах, какая удачная рифма: «подношение – одолжение».

Внимательно наблюдавший за хозяином Ромео подполз поближе. Джулия, напротив, не проявила должной заинтересованности, застыла со склоненной головой.

Белье выпало из рук Вадима:

– Я глубоко подавлен, Вы не желаете оценить мой дар. Вы ужасно расстроили меня, бездумно уткнулись в свою позицию, в позицию ошибочную, смею Вас заверить. И все же прошу довериться моему богатейшему опыту – мое приношение под стать фигуре Вашей. Оно лишний раз подчеркнет притягательный изгиб Вашего тела. А второе облачение, потрудитесь взглянуть, – он поднял с земли женские трусики, – усилит эффект от ваших волнующих телодвижений. Перед алчными взорами серых людишек Вы предстанете в образе секс-бомбы. Ой, простите, как только язык повернулся – предстанете в образе мегасекс-бомбы. Эти хвастливые вертихвостки, что красуются своими тощими размерами на подиумах, покачивая хилыми бедрами, в сравнении с Вами покажутся ничтожными секс-хлопушками. Девяносто – шестьдесят – девяносто, ну, что за параметры?! Ни ущипнуть, ни

похлопать. Но Вы... – Вадим просительно приложил руки к груди. – Умоляю Вас, оставьте свою неуступчивость, примите мой дар.

Джулия с целью отогнать от мух повертела головой.

– Вы окончательно отказываетесь, – печаль отразилась на лице Вадима. – Я сверхмерно сожалею, говорю об этом с глубоким прискорбием. Безотрадность моя безмерна. Вы вынуждаете меня... Опомнитесь!!! – неожиданно вскричал он.

Джулия от резкого крика мигом подалась назад.

– Я безумно счастлив! Вы отступили от своей позиции под напором моих аргументов и признали свою ошибку, – он встал с колен. – А раз так, я с Вашего позволения, милочка, принаряжу Вас.

Он растянул трусики перед носом собаки и благоговейно произнес:

– Какое милое творение, душечка. Вижу, вижу по сиянию Ваших очков, как приятен Вам сюрприз.

Он выдержал паузу, наверное, для того, чтобы Джулия налюбовалась «творением». Затем начал действовать. Вдел в трусики задние ноги собаки, потянул облачение кверху и... остановился в беспомощности: толстый хвост упорно мешал дальнейшему продвижению «творения».

После долгих раздумий в позе роденовского мыслителя принял решение пропустить неподатливый хвост через одно из отверстий предмета женского гардероба.

Джулия если и сопротивлялась, то делала это слабо и как

бы нехотя. Представлялось, что кокетничает. Ромео же во все глаза следил за каждым движением хозяина.

Покончив дело с трусиками, Вадим взялся за бюстгальтер. К несчастью, аксессуар оказался недостаточным по размеру для огромного туловища собаки. Недолго думая, он побежал в дом. Вернувшись со шнурками от ботинок, связал их с бретельками бюстгальтера, после чего опоясал брюхо собаки. Оказалось, что лифчик покрыл лишь пару сосков из наличествующих более. С сокрушенным видом он устоял на брюхо собаки.

– Джулия, я допустил непростительный промах, – промолвил он. – Я не предусмотрел Вашу множественную пылкость.

Призадумался. Глаза вдруг заблистали, он шлепнул себя по лбу и радостно воскликнул:

– Эврика! Милочка, Вы спасены: есть еще другие экземпляры. Перед выходом будете наряжены по полной программе.

Отдалился на несколько шагов от собаки.

– Боже мой! Душечка, Вы и в одном бюстгальтере неотразимы. А в нескольких... – он в тихом восторге покачал головой, – все женщины от зависти засохнут на месте, а мужики околеют в конвульсиях страсти и падут у Ваших четырех точеных лап.

Джулия – в белых трусиках, бюстгальтере и в красных очках – свесила шею.

– Приступим к репетиции. – Он подошел к собаке, взял

ее передние лапы, возложил себе на плечи, руками обхватил туловище. – Начнем с азов. Делаем шаг назад. Так. Теперь полуоборот. Снова отступаем и снова полуоборот. Прекрасно! Держите спину прямо. Смотрите на меня с вожделием и любовью. Умница! И опять пошли по кругу.

Джулия подрагивала всем телом, боязливо шаркала задними конечностями. Вадим не обращал внимания на трепет овчарки. Он с воодушевлением на лице двигал послушную напарницу с места на место, совершал нелепые с ней кружения. Движения сопровождал восторженными выкриками: «Браво!», «Прекрасно!», «Умница!».

Единственный зритель Ромео, преодолев страх, подполз еще ближе к действующим лицам.

Вадим перешел к более тесному общению с партнершей. Он прижался щекой к ее морде и, размеренно покачиваясь вместе с Джулией из стороны в сторону, заговорил проникновенным голосом:

– Я сейчас в красочных подробностях опишу Вам, моя душа, потрясающий выход в свет, который состоится сегодня вечером. Вообразите себе, милая: светлый вечер. Луна струит свой неповторимый бледный свет. Я в одних плавках, Вы в роскошном наряде. Мы направляемся в городской парк. Там возле фонтана я нежно беру Вас за лапочку, и мы начинаем плавно кружиться в чувственном танце. Я откровенно лгну к вам, мои руки нежно поглаживают ваше чудное тело. Нас окружает притихшая в восхищении толпа. Луна прекра-

щает свое вечное движение. Задерживается, чтобы полюбоваться нашим неповторимым, таким соблазнительным кружением. В знак благодарности она посылает, и только нам, свои чудесные лучи. Какая прелесть! Мягкий свет ее ласкает, пленит, чарует. Ах, что я говорю?! Как вспыхнули мои чувства! Ах, как они взыграли! Им тесно в груди, – и вдруг: – Трусливая душонка! Она утратила тебя, подавила, – лицо болезненно перекосилось. – Закрепостила... Не виновен я!.. Закрепостила.

Он в приступе ожесточения вонзил ногти в грудь, словно пытался рассечь, исторгнуть тяготившую его муку. Царапины наполнились кровью. Собаки обезумели. Они в исступлении кружили вокруг хозяина, громко тоскливо выли. Когда Вадим переходил на глухой тягучий стон, они начинали лизать его стопы, терлись о колени. При очередном диком стенании вновь пускались в страшный круг...

Вадим замолк. Он стоял неподвижно, обреченно опустив голову. Собаки преданно прижались к его ногам.

– Я заключенный под страх души, – едва слышно прошептал.

Он опустился на колени между собак, привлек их головы вплотную к своей. Впал в мрачную задумчивость. Ромео и Джулия замерли.

– Я пойду, так подсказывает мой разум, и Он нарушил молчание, Он и сейчас твердит мне об этом. Он убеждает, что это единственный шанс... Он не отступает от меня. Надо

претерпеть падение и лишь потом можно возвыситься, так он рассуждает... Но он прав, надо набраться решительности, все решено. ... Соберется толпа зрителей – кто не захочет поглазеть на позорище? Кто откажет себе в радости поиздеваться над зоофилом. Людские возгласы, смех у фонтана повиснут в воздухе. Шум привлечет внимание Вали, она обязательно увидит нас из окна кабинета... Сегодня же вечером я открою ей полную истину. Она поймет. Она меня поймет, потому что любит меня. Ведь любит... Она ужаснется, ей будет горько. Джулия, она почувствует себя униженной, отойдет от окна, чтоб не видеть моего позора. Это станет сигналом для моей трусливой души. Страх потерять Валу встряхнет ее. Восстанет моя подавленная гордость. И тогда я, слышишь Джулия, сброшу с себя омерзительную маску шута и прямо взгляну на луну. Обрету себя прежнего... Нет, Валя не отвернется от меня, она простит... Мой разум согласен с Ним. Джулия, ведь прав мой разум?! Если смело посмотреть опасности в глаза – она отступит. Ведь всегда нас этому учили, ведь это правило взято из жизни. Если ты страшишься чего-то, надо...

Джулия вдруг вскинула голову. Вадим, встревожившись, прислушался.

– Вади-им, – явственно донес легкий порыв ветра женский голос. Вадим испуганно пригнулся к земле и быстро уполз за угол дома. А Джулия, сделав для себя окончательные выводы, с рычанием рванулась с места.

– Джулия, Джулия, назад, – взмолился Вадим в пронзительном шепоте. Но овчарка в причудливой экипировке уже неслась на всех парах.

Выбежав на лужайку, Джулия устремила свой бег к решетчатым воротам, за которыми стояла Валентина. Та невольно ахнула, усмотрев на собаке свои личные вещи. Но Джулии было глубоко наплевать на ее реакцию. Приблизившись, она с ходу обложила соперницу последним матерным лаем. Затем выплеснула на нее все, что о ней думает. И даже больше! Громко, чтобы все вокруг об этом знали, со злорадным гавканьем огласила все недостатки ее низкопробной породы. Ничего не упустила.

Джулия, несомненно, не была обделена умом, причем женским. (Мы несправедливо преуменьшаем ментальные способности братьев наших меньших. Это говорит о нашем высокомерии и самоуверенности. То, что они не могут изъясняться на человеческом языке, ничего не доказывает. Но и мы лишены дара общаться с ними на их языке.) Она здраво оценила ситуацию: на ее стороне одни преимущества. Чувство отмщения переполняло ее женскую натуру, грех не воспользоваться удобным случаем. Хозяин сделал окончательный выбор – избрал ее, Джулию. Теперь она получила выстраданное право напоследок охаять эту уродливую дворняжку, не стесняясь в выражениях.

Валентина, отойдя на несколько метров от ворот, со страхом смотрела на разъяренную собаку.

Джулия внезапно закрыла пасть. Она недоумевала. Противница ни разу не огрызнулась, не ощерила зубы. Даже не твякнула. Впрочем, удивляться нечему: соперница признала свою несостоятельность и никчемность, поэтому молчит и не возражает. Иного и не стоило ожидать.

Джулии до тошноты души стало противно терпеть вблизи себя посрамленную соперницу. Перед тем, как уйти, она гавкнула на нее, то есть выразила свое презрительное «тьфу». После с достоинством и важностью понесла саму себя обратно к хозяину.

Валентина продолжала стоять, словно выросла в землю. Вадим из-за угла дома, припав к земле грудью, жалостливыми глазами наблюдал за ней. Он понимал, что она ждала его появления. Но больше всего в данный момент желал, чтобы Валентина ушла.

Валентина пробыла некоторые минуты в неподвижности. Потом она вышла из оцепенения, сдвинулась с места и отправилась назад. Она медленно отдалялась. Когда исчезла из поля зрения, он, всхлипнув, со злостью вонзил зубы в свою руку, прокусил ее до крови.

ГЛАВА 2

Шаги направляли Валентину по хорошо изученному маршруту. Недлинная по российским меркам дорога вела к возвышенности. На этом плато был разбит городской парк, на территории которого находилась ее гостиница.

Она не спешила, время пути провела в размышлениях.

Достигнув зоны парка, прошла пальмовую аллею, вышла на открытую солнцу округлую небольшую площадку с фонтаном в центре. Осмотрелась. Ни души. Пустые, выкрашенные в зеленый цвет деревянные скамейки, расположенные по всей линии окружности, одиноко покоились под раскидистыми пальмами. Постоянные посетители – добрые старички, ушли до ее прихода. Присутствие кого-либо здесь было нежелательно, хотелось побыть одной.

Она подошла к невысокому фонтану, слегка наклонилась – тотчас колкие холодные брызги приятно ужалили горячее лицо и шею. Улыбнулась, достала платок, обтерлась, затем села на скамейку.

Валентина была высокого для женщины роста и хорошо сложена. Она не обладала броской или яркой красотой. Тем не менее ее молодое выразительное лицо в обрамлении темно-каштановых волос, ниспадающих на прямые плечи, привлекало взоры мужчин. А умные карие глаза располагали к общению. Валентина отличалась той редкой женской притягательностью, которую особо ценит сильный пол.

Валентина сидела, не шелохнувшись. Лицо было обращено к фонтану. Созерцая игру водяных струй, думала о Вадиме. Гнетущее волнение, которое царило в душе в предыдущие дни, улеглось. Хотя и не полностью – возникали какие-то смутные сомнения. Но она не вникала в их суть, принимала за отголоски недавних переживаний. Настоятельно

уверяла себя в том, что Вадим встал на путь выздоровления. Данная позиция имела более чем веские основания: истекли два обещанных дня, и, второе, эта диковинная, но лишь на первый взгляд, проделка. Эти два факта неопровержимо свидетельствовали о наметившемся исходе недуга.

Однозначно, недуг слабеет, близится к своему концу. Кризис миновал. Вадим возвращается к жизни. То, что он проделал с собакой, является фактором, вселяющим надежду. Шутить и смеяться могут лишь здоровые люди. Со скуки и не такое вытворишь. Мужчины в этом отношении непредсказуемые затейники. Так уж они устроены – от безделья способны развлечь себя всем чем угодно. Разве не так?! Достаточно вспомнить то, что он начудил прошлым летом. Какой «спектакль» он учинил несчастным животным. Он ведь был тогда полон энергии и жизнелюбия. Нет, нет, Вадим, без всякого сомнения, выздоравливает. Отрадную новость она обязательно сообщит Даниэлю. И пропади пропадом этот сон. Он не оправдался.

Сон, которого коснулась Валентина в размышлениях, приснился ей прошедшей ночью. Подробности кошмара она не помнила. Были неясные тени, движения. Эти непонятные видения всплыли в памяти на работе. Кошмар она приняла за предвестника беды. Не колеблясь, поспешила домой.

К великому счастью, страшный сон не оправдался. Реальность оказалась другой. Несомненно, кошмар оказался отражением тревожного состояния, в котором она пребывала. И

слава богу! Богу спасибо за то, что услышал ее молитвы. Все разрешилось благополучным образом

И все же непонятное чувство, исполненное тревоги, не покидало. Затаившись в душе, оно порождало расплывчатые сомнения. Для успокоения души Валентина принялась аргументированно рассуждать, с целью рассеять скрытое душевное беспокойство.

Ну, совсем несложно ответить на вопрос, почему он не вышел на зов, начала она. Не вышел, потому что постеснялся, стыдно стало ему. Предвидел, как она отнесется к его чудачеству. ... Да нет же! Что с Вадимом могло стрястись? Собака не вела бы себя так воинственно. Она ведь не выла жалобно. Вот и утром! Он был бодр, воодушевлен. Шутил, смеялся, ясно дал понять, что страшное позади. Какое еще нужно доказательство?! А вечером зайдет за ней в гостиницу.

Валентина пыталась вспомнить мельчайшие детали их утреннего общения. Однако какую-либо настораживающую странность в его поведении или речи не нашла. Рассердилась на себя: ищет то, чего не может быть. Недостаточно того, что сам изъявил желание подняться к ней в гостиницу?! До этого и слышать не хотел об этом! А не вышел на зов потому, что не хотел слышать упреков в свой адрес, вот и все. Вечером он навестит ее в гостинице. Главное, надо возблагодарить Бога, Он спас их двоих – она осенила себя крестом.

Валентина почувствовала усталость от напряженной позы, откинулась на спинку скамьи.

Логика ее рассуждений безупречна. Прогресс налицо – Вадим идет на поправку. А ведь совсем недавно она было потеряла всякую надежду. Что ей пришлось пережить!

В глазах Валентины возник страх. Перед мысленным взором встала жуткая картина.

Она стоит у дверного косяка и в остолбенении наблюдает за Вадимом. Он, не видя ее, на четвереньках ползет по коридору в противоположную от нее сторону. Ладони громко, ритмично бьют об пол. Доходит до темного угла и исчезает там в сплошном мраке. Все прекращается. В мертвой тишине она до боли в глазах всматривается в черную пустоту коридора, но не в состоянии распознать Вадима. Ей кажется, будто потеряла зрение, будто напала на нее слепота.

Вдруг тьма зашевелилась, из нее выходит Вадим, он направляется к ней. Учащенно дышит, устало двигает коленями, тяжело шлепает ладонями об пол. По мере приближения к освещенному кабинету все отчетливей замечается его лицо. Волосы прилипли ко взмокшему лбу, исступленный взгляд неподвижен, из полураскрытого рта свисает язык.

Он удаляется в кабинет. До ее слуха доносятся нечленораздельные приглушенные звуки. Минуты спустя вновь слышится тяжелая «поступь». Он появляется на пороге, выходит в коридор, отдаляется вновь в темный угол, где растворяется во тьме. Все вновь затихает. Она слышит лишь биение своего сердца. После снова движение, тяжелое дыхание, появление на карачках Вадима.

Методично, с маниакальной целеустремленностью совершает один и тот же страшный маршрут.

Но в момент, когда он в очередной раз уходит в кабинет, ноги Валентины вдруг неслышно несут ее ко входу в комнату. Она видит Вадима, остановившегося перед трюмо. Он уродливо гримасничает, издает смешанные звуки, похожие на собачий лай, кошачье мяуканье, мычание, и исторгает изо рта плевков в зеркало...

Не в силах далее воскрешать сцены ужасной ночи, Валентина резко повернула голову – забыть! – устремила взгляд на свою гостиницу

Гостиницей служило невзрачное узкое, в четыре этажа одноподъездное строение с маленькими окнами и покосившимися деревянными ставнями на них. Время неумолимо разрушало старое здание. Вид не вселял оптимизма. Однако Валентина видела иную, радужную картину. Воображение представляло ей воплощение проекта Вадима: взметнувшиеся ввысь два стройных корпуса пятизвездочного отеля. С широким порталом, с просторными, в красочном убранстве апартаментами, со швейцарами в ливреях, учтиво встречающими постояльцев. С внимательной обслугой, состоящей из красивых, расторопных девчат, во главе с Екатериной, доброй старой женщиной, которой она во многом признательна. И конечно, пальмы – удачная придумка природы. Всей этой красотой будет править она на пару с Вадимом. Муж и жена! Свершится то, что владело ее помыслами. Сказка станет

явью.

Воображение Валентины разыгралось. Свадьбу сыграют в России. Она в белом подвенечном платье, он – красивый, в строгом костюме – они перед образом Божиим дадут друг другу клятву верности. Брак скрепят Божьей печатью. Ну а потом они отправятся в свадебное путешествие. Повидать другие страны, других людей. Они с Вадимом расскажут о России, о ее богатстве, о русском раздолье. А иностранцы покажут красоты своего края. Они объездят все страны. Мир большой, и он прекрасен. Прекрасны люди, населяющие его. Но каждый красив по-своему и счастлив по-своему. Они обмениваются с каждым крупинками счастья...

Близкий звонкий бой церковных часов оборвал мечты Валентины (церковь находилась за территорией парка, но удары колокола отчетливо были слышны). Она посмотрела на наручные часы, уселась поудобней и с теплотой в глазах вззрилась на фонтан. Перед уходом на работу, как обычно, решила попрощаться на время с другом и собеседником.

На этом овеянном свежестью пяточке, под сенью невысоких пальм Валентина любила коротать свободное от работы полуденное время. Монотонный звук фонтана и примешивающийся к нему близкий плеск морских волн рассеивали беспокойные думы. Фонтан терпеливо выслушивал ее сокровенные мысли, ободрял прохладой, вселял надежду. В благодарность за его отзывчивость романтическая натура Валентины наделила обыкновенное водное сооружение редкими

человеческими качествами. Раскрыла в нем красивые черты, скрытые от множества глаз. В воображении подмеченная частность обретала привлекательную значимость.

Валентина любовалась им в каждый свой приход. В приятном уединении она с упоением прослеживала путь гибких серебристых струй. С торжествующим звуком они вырывались наружу, уносились в свободный полет. В стремительном взлете успевали насытиться радужным солнечным светом. Долетев до выси, дружно распались на множество блистающих шариков, которые, совершив оборот вокруг своей оси – смотрите, как мы прекрасны, – с прощанием ниспадали. Не исчезали – запечатлевались в памяти в образе изогнутой грозди сверкающих блесков.

Получив удовольствие от зрелищной игры водяных струй, Валентина встала, чтобы отправиться в гостиницу. Взгляд случайно пал на круглое основание фонтана, она остолбенела: веселые шарики вдребезги разбивались о твердое основание. В строгой последовательности, друг за другом, они безрассудно и невозмутимо неслись к месту своей гибели, где от удара об мраморные плиты расщеплялись в ничтожную водяную пыль.

Валентина в смятении наблюдала открывшееся ей страшное действо. Взгляд был прикован к основанию фонтана, о которое снова и снова бились очумелые шарики. Дробный стук нещадно отдавался в висках. Тревожное беспокойство вновь овладело ею.

Она развернулась, спешно покинула площадку.

– Чушь! Собачья чушь! Привидеться же такое! – в раздражении шептала, спускаясь по тропинке.

Вдруг резко остановилась. «Фонтан!» – мелькнуло в голове. Она обернулась, посмотрела назад. Так и есть, фонтан. Он ей приснился. Во сне нечто падало, что-то разбивалось – это были водяные капли, они ей приснились. Удовлетворившись возникшей догадкой, заторопилась к себе в гостиницу.

ГЛАВА 3

Вадим, владелец крупной коммерческой фирмы, с достоинством и подчеркнутой независимостью во взгляде, неторопливо спускался по парадной, отделанной белым мрамором, лестнице в здании одного из министерств. Высокий, со стройной осанкой, он обладал красивой наружностью. Аккуратно уложенные светлые волнистые волосы открывали широкий ровный лоб. Заметные выемки на щеках зримо обозначали подбородок, что в некоторой степени придавало лицу мужественный образ. Гладко выбритая отблескивающая кожа лица удачно гармонировала с голубыми глазами, под цвет которых был подобран светло-серый костюм с отливом.

Сообразно внешности прекрасно складывалась его жизнь. Еще во времена пресловутой перестройки ему, нерядовому функционеру компартии, « доверили » пост генерального директора большого совместного предприятия, деятельность которого была связана с поставкой леса за рубеж. После раз-

вала «державного и могучего» все хозяйство Вадим приватизировал в личную собственность. Благодаря ценному приобретению он стал полноправным представителем нового, бурно формирующегося класса капиталистов. Достижение льстило честолюбию Вадима, однако ему было не привыкать к высокому социальному положению, хотя судьба не благоволила к нему в раннем детстве

Подкидышем он был подброшен в сиротский дом. Неизвестно, какая доля досталась бы Вадиму, если бы у одной важной особы не зародилась вдруг принципиальная идея. Одинокий как перст сановник на склоне лет замыслил продолжить свой род, то есть он решил усыновить сироту. Осуществить затею ему удалось в кратчайший срок

В первое же посещение одного из приютов внимание старика приковал к себе белоголовый худышка. Малыш сидел на полу общей комнаты, отстранившись от компании вокруг резвящихся детишек. Он держал в руках потрепанную куклу и с интересом ее рассматривал. Вокруг него детдомовцы вели себя шумно. Громкие детские голоса наполнили все помещение. Режущий слух знакомый окрик мгновенно усмирил детей. Воцарилась тишина, малыш в испуге вскинул голову: в дверях рядом со злой и крикливой воспитательницей, которая наводила страх на маленьких обитателей, стоял незнакомый дядя. Малыш замер в тревожном ожидании. Он глядел на непрошеного посетителя, пытался усмотреть в пронизательном взгляде незнакомца причину его совмест-

ного прихода со злой няней.

Запуганный вид ребенка подействовал на сановника, сердце старого партийца дрогнуло. Он улыбнулся и пальцем поманил к себе избранника. Малыш на дружелюбный призыв не откликнулся, сидел, не спускал встревоженных глаз с няни.

– Мальчик, подойди, раз тебя зовут, – в обращении наставницы звучали повелительные нотки.

Малыш вновь не отреагировал должным образом, по всему было видно, что он боялся приблизиться к воспитательнице.

– Несладко живется ребятишкам под вашим началом, – резко заметил сановник той и сам направился к мальчонке.

Малыш встал навстречу незнакомцу. Тот, приблизившись к нему, погладил по головке и спросил:

– Как звать тебя, сынок?

Вадим, опустив глаза, с виноватой ноткой в голосе протянул свое имя.

Старик наклонился к нему:

– Как-как звать? – переспросил.

Малыш повторил имя.

– Вадим, говоришь? – произнес старик, чтобы убедиться в правильности услышанного имени.

– Да – едва слышно ответил малыш.

– Хорошее имя. Скажи, ты любишь конфеты?

Вадим кивнул головой.

Сановник вынул из кармана плаща плитку шоколада.

– Вот, тебе гостинец принес, потом поешь, возьми.

Вадим посмотрел на воспитательницу.

– Возьми, не бойся, – старик легонько ткнул плиткой в грудь малыша. – Ну же, бери.

Вадим принял гостинец.

– Вот и молодчина, Мальчиш-Кибальчиш, – одобрил поступок малыша старик. Затем предложил:

– Давай переходи жить ко мне, каждый день будешь есть сладкие конфеты. Ну как, пойдешь ко мне?

Вадим молча кивнул.

Сановник еще раз мягко погладил его по головке. При расставании обещал накормить вечером вкусной едой.

В дверях, минуя наставницу, на ходу сухо распорядился:

– Сегодня же оформить все документы и отправить ко мне.

Со следующего утра жизнь Вадима кардинально изменилась. Ребенок познал иные формы обращения с ним. Он уже не боялся высказать отрицательное отношение к чему-нибудь, смел покапризничать, иногда проявить и непослушание. Где играть в обширной квартире и во что играть – решал только он. Действительность открылась ему другой стороной – привлекательной и заманчивой.

Николай Матвеевич – приемный отец Вадима – несмотря на свои годы, выглядел энергичным и бодрым мужчиной. Трудоголик по природе, он засиживался на службе допоздна.

Выходные дни, которые нечасто выпадали в его буднях, он посвящал единственно приемному сыну. Музеи, театры, кино и, естественно, любимое увлечение Николая Матвеевича – охота составляли основное содержание их совместного досуга.

Николай Матвеевич беспокоился о судьбе ребенка, принимал посильное участие в становлении личности сына. В общении с Вадимом он, как правило, склонялся к поучениям и сентенциям, где красной нитью проходили такие понятия, как стойкость духа, непримиримость в борьбе и, разумеется, коммунистические трюизмы.

Он контролировал учебу сына, следил за его успеваемостью, посещал все родительские собрания. По рекомендациям педагогов снабжал Вадима познавательной литературой. Нанятые им репетиторы обучали подопечного иностранным языкам. Николай Матвеевич готовил сыну выдающееся будущее.

Вадим с первых дней Николая Матвеевича признал за родного отца. Стараясь не огорчать родителя, он безоглядно следовал его советам и пожеланиям. А если допускал незначительное упущение, то немилосердно клял себя за ошибку.

Он любил отца, тянулся к нему, нуждался в каждодневном его присутствии. Главным героем в его играх был отец. Но самые сладостные минуты он переживал тогда, когда отец, посадив его на колени – случалось и такое, – ласково гладил по головке. Вадим испытывал безмерное счастье, тесно при-

жимался к отцу, глаза наполнялись радостными слезами.

Однажды, с целью продемонстрировать сыновнюю любовь, малыш решился на поступок. Он дождался позднего прихода отца, стремительно выбежал из своей комнаты, с распростертыми объятиями бросился тому навстречу. Отец не поощрил его теплой улыбкой. Напротив, сделал строгое замечание: умные дети уже давно спят.

Осуждение родителя не подействовало. Впервые малыш послушался, ибо был движим тайным желанием доказать себе, что действительно беззаветно любит отца. После неудачного поступка он ложился в постель в установленное время, но не засыпал. С открытыми глазами вслушивался в темноту. При звуке поворота ключа в наружной двери сердце начинало радостно биться: он дождался прихода отца. Малыш смежал веки, и как бы в благодарность за преданность воображение рисовало вожаделенную картину. Ему представлялось, как отец осторожно открывает дверь в его спальню, крадучись входит вовнутрь и с опаской смотрит на него: не разбудил ли. Затем, бесшумно ступая, приближается к его кровати. Наклоняется, нежно целует. Потом, как он умеет это ласково делать, мягко проводит рукой по его голове. Некоторое время любит им. Затем неслышно уходит... Отец исчезал в воображении, малыш спокойно засыпал.

В детстве Вадим лелеял заветную мечту – страстно желал заболеть. Притом так, чтобы страшная болезнь навсегда обездвижила бы его. В таком случае, представлялось ему, от-

цу придется оставить работу, а значит, он постоянно будет находиться при нем. Ухаживать за ним, ласкать и гладить по головке.

Несомненно, Николай Матвеевич не мог заменить Вадиму мать. К тому же, он был скуп на нежности: суровая школа прожитых им лет не очень-то сочеталась с обычными человеческими слабостями. Несмотря на это, Вадим остался благодарным отцу, сохранил светлые воспоминания о нем. После смерти отца он часто навещал его могилу, лично ухаживал за ней.

Вадим не мог пожаловаться на судьбу. В доме отца он провел счастливую жизнь. Светлые сцены из детства и отрочества часто всплывали в памяти. Но порой память возвращала к неприятным моментам, связанным с наемной работницей в их доме.

Домработница служила в доме давно, до появления там Вадима. Отец был доволен ее работой – во всяком случае Вадим не слышал нареканий в ее адрес.

Эта женщина обладала поразительной внешностью. Седые волосы, морщинистое бледное лицо, обвислая кожа на худых локтях указывали на скорое приближение дряхлой старости. В то же время почтенному возрасту противоречил легкомысленно-веселый взгляд ее раскосых глаз. Несообразность в наружности вызывала непростые вопросы у стороннего наблюдателя – либо данное существо ежеминутно подвергается приливу счастья, либо за маской беззаботности и

беспечности скрывается иной склад души.

Одевалась она постоянно в белый длиннополый халат безукоризненной свежести, что свидетельствовало о чистоплотности и аккуратности. По дому ходила в мягких бесшумных тапочках. Она могла, словно привидение, внезапно появиться, бросая в дрожь гостей, и так же незаметно исчезнуть, оставляя присутствующих в сильном затруднении. Реакция гостей, скорее всего, доставляла удовольствие ей. Несмотря на возраст, она была полна сил и энергии.

У Вадима не сложились отношения с ней. Холодок отчуждения возник между ними при знакомстве и остался навсегда. События того первого дня отложились в памяти Вадима во всех подробностях

Встретила она его одного неприветливо, с нескрываемой враждебностью. (Шофер отца привез его из детдома и поручил ей). Не поздоровавшись, уперев руки в бока, она встала перед ним и принялась придирчиво рассматривать В глазах сквозила насмешка. Он съежился, потупил взор. Тем не менее не переставал ощущать на себе ее колкий взгляд. Тягостное молчание стало невыносимым. Он поднял на нее глаза, робко спросил:

– Тетенька, скажите, где я буду?

Она изобразила скорбную гримасу, печальным голосом ответила:

– Ах, сирота казанская. Конечно, подыщем тебе угол. Зовут меня Николавной. Но ты изуродуешь мое гордое имя, так

что зови меня просто Ники, я такая обидчивая, – сказала и в смущении отвернулась. От Вадима не укрылось то, как она украдкой беззвучно засмеялась. После она небрежно сняла с него пальтишко – «тряпье», повела в ванную и велела «на-чисто отмыться».

В дальнейшем за все время их совместного пребывания она не позволяла себе подобных вольностей. Он старался с ней меньше общаться, называл ее не по отчеству, обращался к ней на «Вы». Они недолюбливали друг друга, однако Вадим скрывал от отца антипатию к домработнице.

Вообще, эта женщина была соткана из одних нелепостей. Правила человеческих отношений были установлены не для нее. Она избегала знакомств с жильцами по подъезду. При встрече не удостоивала их приветствием. В то же время любила подглядывать через замочную скважину за соседями по лестничной площадке.

Внешний мир в своем многообразии существовал обособленно от нее. Она не читала книг и газет. Не смотрела телевизор (по крайней мере Вадим ни разу не видел ее сидящей перед экраном). Не интересовалась ни новостями, ни другими радиопрограммами – радиоточка в квартире в ее присутствии молчала.

В числе странностей «Николавы» значилась причуда, которая скорее присуща шаловливым детям, но никак не человеку ее возраста. Суть шалости состояла в следующем. Если звонил телефон, она подходила, брала трубку, но не

отзывалась. Услышав чужой голос, тут же начинала быстро произносить бессвязные предложения. Бессмысленный поток слов прерывала длинными междометиями. Извергнув тарабарщину, мгновенно замолкала, вешала трубку. От аппарата не отходила. Прикрыв рот, посмеивалась. Очевидно, представляла себе потрясенное лицо человека на другом конце провода. На второй звонок отвечала чинно и внятно.

О ней Вадим имел случайные, скудные сведения. Знал, что она замужем, но бездетна.

В любой среде неизбежны конфликты. Мирное, терпимое сосуществование «Николавны» и Вадима в один знаменательный день неожиданным образом обратилось в непримиримое противостояние, которое повлекло за собой необратимые последствия. Конфликту предшествовало закономерное любопытство уже юного Вадима, вызванное загадочным моментом в ее поведении. Происходило нечто непонятное. Внезапно случалось то, что домработница вдруг резко отстранялась от домашних дел, уносила в подсобное помещение, где запиралась на ключ. Там в сущей темноте – ниша с дверью не нуждалась в собственном освещении – находилась продолжительные минуты. Выходила с лихорадочным блеском в глазах, направлялась к окну. Устремив взгляд вниз на улицу, что-то шептала. Порой то ли хихикала, то ли коротко кашляла. У окна постоянно стояла в неизменной позе – руки скрещивала на животе, пальцами впивалась в локти.

Странный поступок домработницы заинтриговал Вадима.

Настал день, когда он решил удовлетворить любопытство. Стоило «Николавне» снова укрыться в подсобном помещении, он немедля кинулся к двери, приник ухом к замочной скважине. Напряг внимание. Слух уловил сдавленный протяжный стон. Он напоминал далекий волчий вой. Тягостный звук медленно стихал, но потом внезапно прибавлял в силе. Тон звучания попеременно менялся. Глухое стенание вызвало неприятные ощущения, Вадим почувствовал тяжесть в душе. Он отстранился от двери, ушел в свою комнату.

В комнате он стоял в потрясении. Стало ясно – она болеет тяжелой болезнью. Приступ острой боли наступал мгновенно, – рассуждал он, – поэтому она вынужденно оставляла все дела. Несчастливая женщина в одиночестве, без помощи со стороны терпела в темной подсобке страшные муки. Вадим проникся к ней искренним состраданием. Клял себя за несправедливое отношение к ней.

Он дал себе клятву помочь ей. Но прежде решил вызвать ее на откровенный разговор, чтобы выяснить все про ее болезнь, после поставить в известность отца. Вдвоем обсудят создавшуюся ситуацию, наметят меры. Сердобольный родитель, Вадим не сомневался, не откажет в помощи.

План был составлен, однако совершить первый шаг – поговорить откровенно – он никак не осмеливался. По-видимому, препятствовала незримая стена отчуждения, которая пролегла между ними. Решился подойти к ней тогда, когда она после очередного приступа встала у окна.

Вадим подошел и остановился чуть позади – выбрал минуту, чтобы в мыслях повторить заученное вступление. Она не заметила его приближения. По всей видимости, была поглощена видом на магистраль, которая прекрасно наблюдалась с третьего этажа квартиры.

Неожиданно домработница прошептала:

– Ишь какой шар надула! Небось тяжело тащиться, милая.

Мысли Вадима прервались, он взглянул в окно. Ангелина Николаевна продолжала шептать:

– Вижу, тяжело. Но гордая! Заделалась уткой, а туда же – кичится. Счастья навалило, радость-то какая.

Вадим с недоумением вглядывался в пешеходов. Кого имела в виду она, определить не мог.

– Да, родишь ты, деваться-то некуда. Что если выносишь недоумка или какого-нибудь ублюдка, а? – она захихикала. – Всякое случается. Гордая, мечтает, что зародыш станет большим начальником. Три, три лицо. Будет тебе еще ручей пота и мука мученическая. Смерти захочешь.

Вадим обратил взор на беременную женщину, переходящую широкую улицу. Ее большой живот выпирал и выгибал спину. Она в действительности переваливалась при ходьбе с боку на бок. Ей не хватало воздуха – дышала полуоткрытым ртом, комочком белого платка сводила пот с лица.

Будущая роженица скрылась за углом здания, Вадим в растерянности взглянул на домработницу. Та стояла неприступно, молчала. Вдруг улыбнулась: Вадим угадал по движе-

нию щеки

– Каков удалец! Герой! Краса ненаглядная, – вновь зашептала она. – Наклюкался, уродец. Тесней прижимай родненнюю, с ней и ляжешь в землю

Вадим взглядом уловил среди прохожих лысого мужчину, которому, как понял, домработница сулила мрачное будущее. Мужчина стоял на противоположной стороне магистрали спиной к виноводочному магазину. Он крепко прижимал обеими руками к груди бутылку красного вина. Пошатываясь, медленно водил головой – то ли знакомился с улицей, то ли соображал, куда податься.

– Чего задумался, светлая головушка? Все одно, скорый конец тебе. Будет тебе черный гроб и черви в нем. Щекотно будет – тихо засмеялась. – Вот те на, стоит и качается. Да иди же ты, иди, не стой.

Словно по ее зову, пьяный сделал шаг, качнулся, потерял равновесие, и ноги тут же быстро понесли его на осветительный столб. Наскочив на стояк, он сумел-таки заключить его в свои объятия. Бутылка выпала из рук, ударилась об асфальт и со звоном разбилась. На тротуаре образовалась красная лужица вина.

– Хана твоей милой, дурень. Сгубил ты ее. Соображай, что будешь пить, хи-хи.

Мужчина, опустив голову, уставился на потерянный спиртной напиток. О чем думал, неизвестно. Но решение принял. Скользнул по столбу, упал на колени перед лужицей.

Двинул рукой – откатился крупный осколок. Оперся на вытянутые руки, приобрел устойчивость, с предосторожностями, чтобы не повалиться на бок, опустил на локти, опустил голову, приник к лужице.

Вадим в оцепенении наблюдал за действиями пьяного мужчины. Он осязательно представил, как тот вбирает в себя грязную жидкость вместе с острыми кусочками стекла. Он закрыл глаза. «Увидел» человеческую тень на коленях. Она то становилась расплывчатой, то снова приобретала отчетливые черты. При этом призрак на четвереньках постоянно жадно лакал из темной лужицы. Вадим плотнее сомкнул веки. Через мгновение призрак вновь появился, будто насмеялся над его глупостью. Он продолжал поглощать пойло и искоса самодовольно смотрел на Вадима. От неотступного преследователя не было избавления.

Вадим раскрыл глаза, отвел взгляд от окна. Вновь услышал хихиканье соседки. Чтобы освободиться от шока, бесшумно быстро устремился к себе.

В комнате Вадим не обрел душевного успокоения. Он ощутил неудовлетворенность, которая скоро переросла в недовольство собой. Все его естество восстало против трусливого бегства.

Он спешно покинул комнату с намерением не смалодушничать, дать отповедь злопыхательнице.

Он подошел к окну, открыто встал рядом с домработницей. От неожиданности та резко обернула голову в его сто-

рону.

– А мне интересно, что вы тут высматриваете, – вызывающим тоном пояснил он.

Та снисходительно улыбнулась:

– Гляжу на муравейник.

Смысл ответа он не понял, что отразилось на лице.

– Толпа людей очень похожа на муравейник, разве не так? – объяснила она.

– Человек – венец природы. Нельзя так уничижительно отзываться о людях, —парировал Вадим.

– Этот пропойца тоже венец природы? – пальцем указала на окно.

Он посмотрел на улицу. Пьяный мужчина лежал на боку, спал мертвецким сном. Из угла рта свисал безжизненный язык.

– Это ни о чем не говорит, – ответил он. – С ним приключилось какое-то горе, вот и запил.

Домработница усмехнулась:

– Ошибаешься, он очень счастливый человек. Счастье у него каждый день под рукой, зависть просто берет, – едва слышно захихикала она.

– И все равно я утверждаю: человек по—своему назначению является властелином природы. Это научная точка зрения.

– Больно слабое умишко у меня – не разумею в ваших книжках. Лучше покажи мне властелина в этом муравейни-

ке. Я тоже побегаю глазами, авось кто и приглянется, – отвела смешливый взгляд к окну. Вадим машинально последовал ее примеру.

За стеклом простые смертные сопровождали минуты своего существования. И каждый по своему усмотрению. Некая женщина с просветленным лицом – очевидно, мать семейства – с двумя полными сумками, тяжело ступая, выходила из магазина. Мимо нее прошла юная пара. Девушка, прижимая букет цветов к груди, радостно улыбалась своему избраннику. Юноша увлеченно ей что-то рассказывал. Они не замечали никого, чувствовали лишь друг друга. Вадим направил взор на пьяного мужчину, тому не повезло. К нему подошли два блюстителя порядка, взяли за руки и потащили волоком по земле бесчувственное тело. За этой сценой наблюдали три приятеля с бутылками со спиртным. Они переглядывались, посмеивались над неудачником.

Вадим смотрел на людскую массу и бранил себя за то, что по непростительному недомыслию очутился в глупом положении: не представлялось возможным обосновать абстрактный афоризм наглядным примером из уличной жизни.

Он взглянул на домработницу, натолкнулся на насмешливый взгляд: она следила за ним и будто читала его мысли. Он пришел в раздражение:

– Не смотрите так на меня! Знайте, сам Максим Горький писал, что «Человек» звучит гордо.

– Это не про них, – указала глазами на окно

– А про кого?

– Про тех, у кого кнут.

– Какой еще кнут?!

– Которым помыкают.

Вопрошающий взгляд Вадима развлекал Ангелину Николаевну.

– Любят эти людишки кнут. Под кнутом легче жить.

– А, понятно, понял, куда вы клоните. А я вот что вам скажу. Скажу то, что известно всему миру. Наш народ свергнул эксплуататоров, и каждый волен теперь сам решать свою судьбу.

– Решают, да не так. Людишкам выгодно жить под кнутом и тащить обоз. Как ни бери, а возница да и подбросит что-нибудь на пропитание, самим-то неохота добывать корм себе. Под кнутом и живут, и плодятся. Но мечтают: бич уж точно выведет на дармовые обильные хлеба. Невдомек дурням, что бичу это не нужно – сам останется без работы и еды.

Вадима раздражали умствования самоуверенной женщины. Она говорила явную чепуху. Его брала злость, но сразить недалекую простолюдинку метким словом не удавалось.

– По вашей спине тоже гуляет кнут, – съязвил он. Усмешка исчезла с ее губ.

– У меня одна беда. Я не родилась мужчиной, – сухо ответила.

– И что бы было, будь вы мужчиной?

– Стала бы возницей. Мне бы прислуживали.

– Смешная причина! История знает многих великих женщин, которые...

– Не знаю их и знать не хочу! – резко оборвала. Замолкла, но потом:

– Одно знаю: чтобы занять большой чин, женщина должна лебезить перед мужчиной, принять его волю. Все решают мужчины.

Вадим заметил, что она занервничала. Он воспрянул духом.

– Это вы глубоко ошибаетесь, – с издевкой в голосе отметил он. – Мужчины ни причем. Были случаи, когда женщины вели за собой массы. Были возницами, как вы выражаетесь. А вы...

– Я не хочу больше разговаривать! – отвернула лицо, уставилась в окно.

Она спасовала. Тем не менее Вадим не получил полного удовлетворения.

– Вы ненавидите людей, я это хорошо знаю. Вы никогда не проявите жалость к людям. Поэтому с вами никто не желает знаться, – уязвил, чтобы спровоцировать на разговор.

Она пронзила его взглядом. Неприязненно смотрела, о чем-то размышляла. После ответила:

– Какой прок от жалости? За жалостью прячется радость, что тебе больше повезло. Но всегда найдется повод, чтобы забыть про такую жалость. И тогда насядут, растопчут. Червяка всегда охота раздавить, а змею бояться, ужалить может

– По-вашему, человек человеку волк?

– Не по-моему, люди такие.

– Может и есть кто не любит людей, к счастью, их мизерное количество, – намек был ясен.

– А нету любви, – ответила на выпад Вадима. – Был один, все бродил по земле, говорил о любви. А его взяли и убили. Люди такие.

– Это вы о ком?

– О Христе.

– Да бога нет! – засмеялся Вадим. – Папа говорит, что религия – опиум для народа. Бога выдумали господа, чтобы держать народ в страхе. Так легче управлять. Церковь и цари наживались на страхе людском перед богом. Страх превращает человека в раба, этим и пользовались правители.

На лице домработницы промелькнула тень беспокойства. У Вадима прибавилось уверенности.

– Ну как, поняли, что я прав? Не молчите, ответьте. Бога нет, это выдумка господ. Если не согласны, ответьте.

– Бога нет, а страх существует. Он как живая плоть, – жалкая улыбка кривила губы, – Когда он голоден, беснуется. А дашь ему пищу, успокаивается, отходит.

– А если не накормить, то хватается за кнут, – мгновенно отреагировал Вадим и засмеялся.

Домработница мгновенно изменилась в лице, сжала губы, сузила глаза – злобным прищуром смотрела на него.

Гримаса поверженной оппонентки рассмешила Вадима.

– Страх – удел некоторых слабонервных, – сказал он, затем весело воскликнул: – А я вот никого не боюсь! – повернулся, пошел в свою комнату

– Ошибаешься, страх сидит в каждой душе, страшно всем, – зловеще прошипела ему в спину. Вадим проигнорировал ее слова. Он торжествовал победу: сбил с нее спесь, заставил понервничать.

На следующий день прислуга не явилась. Уволилась. О ней у Вадима сложилось резко негативное мнение, от сострадания не осталось и следа. Странности в поведении домработницы, которые его так обеспокоили, потеряли всякий смысл и значение.

Жизнь Вадима после протекала без особых памятных событий (за исключением смерти отца). Едва не весь день занимала учеба: его восприимчивый и жадный ум готов был поглотить все знания человечества – то есть объять необъятное.

Одновременно он ревностно и в то же время трепетно созидал свой нравственный облик, в роли взыскательного ментора оценивал каждый свой шаг, ибо был убежден, что первое лицо в государстве должно соответствовать идеалу, то есть заключать в себе лишь высшие духовные качества, что и дает тому право руководить страной. Он холил, лелеял вынашиваемый образ, ревниво оберегал его от посягательств со стороны и когда жестко, болезненно, когда снисходительно реагировал на «выпад», независимо от того, была ли это без-

обидная шутка или же малозначимое несогласие с его мнением. Зримый ему монумент – вожденный идеал – отстоял пока далеко от него во времени, однако перфекционист Вадим уже заступил ногой на единственно верный, но тернистый путь самосовершенствования, который вел к этому воплощению совершенства, и с упорством намеревался пройти избранную стезю ускоренным ходом, хотя при этом ему постоянно казалось, что это он, нынешний, уже стоит на постаменте.

Да, Вадим, обуянный тщеславием, тянулся к славе, но он искренно в глубине души жаждал принести весомую пользу многострадальной родине.

В общем, Вадим был преисполнен гордого стремления ради всеобщего счастья трудящихся масс взойти на вершины человеческого бытия, где в ожидании блистало его безупречное великое будущее.

Он получил блестящее образование. По окончании вуза компартия призвала его к себе на службу, где Вадим быстро и без помех поднимался по иерархической лестнице. Успешной карьере способствовали не только его бесспорные личные способности, но и участие в его судьбе соратников почившего родителя.

Коренная ломка политической системы поставила крест на высокой коммунистической будущности. Вадим предвидел крах, в быстро меняющихся условиях свои устремления подчинил бизнесу. И на данном поприще имеется возмож-

ность добиться заслуженной славы, вознестись до высоты исторической фигуры, рассуждал он. Деньги могут послужить и благородному делу – служению собственному народу, примеров хоть отбавляй в истории человечества. Однако для начала требовалось устоять на ногах и утвердиться в наступившем лихолетье.

В воображении высокая цель приобрела иные очертания, но и в измененном виде не прекращала ярко светить.

...В здании министерства Вадим неторопливо спускался по лестнице со ступени на ступень. Легкая улыбка на губах скупно отражала душевный подъем, который он смаковал в связи с наступлением весны.

Он страстно любил первоначальный период этого времени года. Его организм безошибочно предугадывал первые дуновения пробуждающейся поры. Непостижимая особенность ранней весны настраивала внутренний мир на торжествующий лад. В эти прекрасные дни он впадал в беспечность и беззаботность. Ощущал себя капризным ребенком, прихоти которого подлежали исполнению.

Он спустился в вестибюль. Внезапный шум распахнувшихся парадных дверей привлек к себе внимание Вадима. Он увидел, как внутрь ввалилась группа из четырех человек. Впереди семенил круглый низкий мужчина с кейсом в руке. Он узнал нувориша: друг другу были представлены во время одного званого вечера. Толстячка опекали три дюжих телохранителя. Известная трусость богача развлекала Вадима.

Однако сейчас он вспомнил о неприятном инциденте месячной давности.

Тогда, к концу рабочего дня, Вадима в его офисе навестили трое незнакомцев: двое с бычьими шеями и один молодой мужчина тщедушного телосложения, со спокойным, можно сказать, доброжелательным взглядом. «Хиляк», таким прозвищем мысленно окрестил его Вадим, как позже выяснилось, заправлял за главного.

Все трое расселись за столом напротив него. Говорил только Хиляк. Лаконично, в уважительной форме предложил услуги по обеспечению безопасности жизни и здоровья Вадима. А также гарантировал защиту от «злонамеренных посягательств» конкурентов.

Вадим, недолго думая, расшифровал цель визита троицы: они пришли навязать ему унижительную «крышу». От осознания данной ситуации он впал в гнев. Резко встал из-за стола, с искаженным лицом, брызжа слюной, начал кричать, что не на того напали, что черни здесь не место, что им следует общаться с себе подобными.

Рекетиры безучастно глядели на Вадима.

Прекратив изрыгать оскорбления, Вадим вперил негодующий взгляд в главаря, резко выбросил руку, пальцем указал на дверь. Тот послушно качнул головой и встал. За ним поднялись дружки. У порога Хиляк обернулся, вежливо простился.

На этом неприятный инцидент завершился. Братки боль-

ше не заявлялись. Обзавестись надежными телохранителями Вадим и не помышлял, гордость не позволяла.

Всякое напоминание о возмутительном случае порождало у него злость. В вестибюле, подойдя к выходу, он резко дернул на себя дверь, вышел наружу.

Место парковки автомобилей находилось во внутреннем дворе министерства. Для преодоления расстояния до автостоянки требовались минуты. Время прохождения явилось достаточным, чтобы губы вновь сложились в полуулыбку. Весна имела магическое воздействие на Вадима, он забыл о братках.

Территория стоянки была небольшой, он запомнил место парковки автомобиля. К приходу туда с удивлением не застал ни автомашины, ни водителя – исполнительный подчиненный без спроса никогда не отлучался. Непредвиденный момент, однако, не нарушил душевного настроения: Вадим был не прочь продлить удовольствие, обоняя неповторимый запах весны. К тому же не спешил: время встречи с очередной пассией не было обговорено. Обязался заехать за ней, как только освободится.

С Валентиной он познакомился здесь, в министерстве. Встретились друг с другом при банальных обстоятельствах – чуть не столкнулись на пороге парадных дверей. Однако не невинный инцидент, а его продолжение явилось прелюдией к их знакомству: они пустились, как нередко приходится поступать в подобных случаях, то синхронно уступать друг

другу проход, то одновременно делать шаг вперед. Наконец, сообразив, также синхронно, насколько бесплодны их старания, они прекратили «церемониал», стали в нерешительности напротив друг друга. Первой прыснула Валентина, вслед за ней не удержался и Вадим, он и представился ей для начала.

Начали общаться. В разговоре выяснилось, что Валентина приезжая из провинции. В поисках работы обратилась за советом к дальней родственнице, сотруднице данного ведомства. На вопросы отвечала охотно. Не жаловалась и не просила. Говорила с ним с большим желанием. Чувствовалось, что он ей приятен. Да и она ему понравилась. Не только привлекательной внешностью, но и рассудительностью и неприязательностью.

Их отношения в дальнейшем переросли в любовную связь. Однако серьезных намерений Вадим с ней не связывал.

В ожидании водителя Вадим напевал про себя мелодию Штрауса из «Весенних голосов». Неожиданно сзади к нему кто-то обратился. Он повернул голову на голос и тотчас повернулся всем телом.

– Это вы опять?! – гневно спросил: перед ним стоял тот самый Хиляк.

– Здравствуйте, Вадим Николаевич, – визави дружелюбно улыбался.

–Прочь от меня! – Вадим сжал кулаки.

–Понимаю ваше состояние, —Хиляк с повинной опустил

глаза. — Приношу свои извинения, каюсь, мы бесцеремонно...

— Прекратите фиглярничать! Убирайтесь, а не то... — Вадим угрожающе сделал шаг к нему.

Хиляк на воинственный выпад примиренчески поднял обе руки:

— Пожалуйста, успокойтесь, не сердитесь, выслушайте меня. Я к вам по важному делу, оно вас, уверен, заинтересует. Пройдемте, тут недалеко.

Вадим не сдвинулся с места, но готов был наброситься на противника.

— Ну зачем вы так враждебно настроены против меня? — промолвил тот с обидой. — Я не причиню вам зла, не бойтесь меня, здесь рядом, пройдемте.

— Я вас?! — отреагировал Вадим с гневным презрением. — Куда?

— Да вот, здесь, — Хиляк протянул руку в сторону городской магистрали, прилегающей к министерству.

Вадим устремился в указанном направлении.

— Как выйдете, сверните направо, — Хиляк бросился догонять.

Они, покинув двор, окунулись в спешащий поток людей. Вадим, наклонив голову, неся напролом. Он не слышал замечаний и брань в свой адрес, Хиляк еле поспевал за ним. Через некоторое расстояние он взял Вадима за локоть.

— Стойте! — выдохнул воздух. — Мы пришли.

– Не прикасайтесь ко мне, – Вадим с брезгливостью отдернул руку.

– Простите, непроизвольно получилось.

Отдышавшись, Хиляк подошел к вблизи стоящей иномарке, отпер заднюю дверь, – садитесь, пожалуйста, всего на одну минуту.

Вадим окинул взглядом автомобиль, тонированные стекла скрывали салон. Он исподлобья недоверчиво взглянул на «доброжелателя». В ответ тот шире раскрыл дверь.

– Вадим Николаевич, зачем вы так? Можете убедиться, машина пуста, – досадливо проговорил. – Дело в том, что я хочу передать вам документы, касающиеся лично вас и вашей фирмы. Документы особой важности. Против вас затевают нечистую игру, прошу вас, садитесь, дорога каждая минута.

Вадим не доверял Хиляку, однако отказ от предложения означал проявление трусости, чего он не мог позволить себе. Он сел в машину.

Хиляк устроился впереди рядом с водительским сиденьем.

– Сию минуту, – он нагнулся, поднял с пола чемоданчик, открыл, стал перебирать в нем какие-то бумаги.

– Не закрывайте дверь, сейчас, одну секунду, я передам вам бумаги, и вы выйдете, — пробормотал под нос. Вадим решил терпеливо ждать.

Вдруг, в какие-то доли мгновения, – Вадим не успел опом-

ниться, – его сжали с боков двое грузных мужчин. Очутившийся за рулем какой-то детина сразу завел мотор, рванул машину с места.

Вадим попытался высвободиться.

– Не возникай, – вяло произнес слева сидящий и ударил тяжелым кулаком в грудь.

– Остановите машину! Сейчас же выпустите меня, – несмотря на грозное предупреждение, Вадим вновь постарался вырваться из тисков. Сосед налег на него всей массой, пальцами, словно клещами, сдавил кадык.

– Урод, не понял? Не возникай.

От пронзительной боли Вадим скорчился, испустил хрип.

– Сиди без вы...ов, а то задавлю, – разжал тот пальцы.

Вадим притих, болезненно морща лицо, глотал слюну.

По городу ехали с задержками. Вадим потерянно смотрел в лобовое стекло. В горле саднило, лицо судорожно кривилось.

Когда автомашина выехала на кольцевую, то с большой скоростью понеслась по трассе. Внезапно она резко вильнула, Вадима бросило вбок.

– Ах ты, падла, кайфуешь над нами, – взревели оба. На Вадима посыпались удары с двух сторон. Он инстинктивно пригнулся, защищая голову ладонями. Его руки силой разняли, с удвоенным рвением заколотили кулаками по затылку. Увесистые удары сотрясали черепную коробку, казалось, кости не выдержат, проломаются, острыми концами вонзятся

в мякоть мозга. Из рта Вадима вырывался звук, напоминающий отрывистый кашель.

– Урод... падла... сука, – словно вбивали гвозди пыхтевшие над ним попутчики.

Вскоре ощущения притупились, потом исчезли вовсе, Вадим впал в беспамятство.

Он очнулся от острого запаха. Разлепил веки, сморщился, отвел нос от флакона. Голова была запрокинута за верх сиденья и неприятно свисала. Попытался выпрямить ее, онемевшая шея не слушалась. С предосторожностями, чтобы не задеть рядом сидящих, начал опускать тело. Затылок соприкоснулся с поверхностью спинки – от пронзительной боли вскрикнул. Осторожно повернул голову, приложился щекой, закрыл глаза. Беспокойная боль пульсировала в затылке, как в нарывающей ране. Старался держать контроль над собой, чтобы не касаться своих обидчиков. Страх сковал его.

Через какой-то промежуток времени автомашину снова резко качнуло, Вадим повалился на одного из братков. Те пришли в ярость, с бранью накинулись на него. Он не вынес и первых ударов – в ужасе испустил крик, потерял сознание, упал лицом вниз.

Его подняли за волосы, стали бить по щекам, трясли, совали в нос горлышко пузырька. Тщетно, Вадим не подавал признаков жизни. Озлобившись, один из двоих вынул засунутый в носок заточенный гвоздь, стал им колоть в бедро. Подействовало, веки дрогнули. Поднесли пузырек – Вадим

простонал, открыл глаза.

Остальную часть дороги ехали без происшествий. Вадим, теснимый с двух сторон могучими телами, безропотно сидел. Молодчики бесстрастно смотрели вперед.

Они остановились в лесной глуши. Похитители вышли наружу, Вадим остался внутри.

– Че сидишь? Давай вали сюда, фраер, – гневным криком приказал ему кто-то из них.

Вадим с трудом вылез из машины. От яркого света луны снег слепил глаза. Он зажмурился. Потерял равновесие, оперся рукой о крышу автомобиля.

Холодный свежий воздух прибавил сил. Он разомкнул веки. Вокруг стояли высокие редкие сосны, длинные черные тени от них отчетливо прочерчивали снежный покров. Поднял взгляд и снова закрыл глаза: наверху низко висела яркая полная луна.

–Погнали, – браток схватил его за шиворот и повлек за собой по проторенной тропинке. Согбенный Вадим не упирался, послушно следовал за ведущим, делая быстрые шаги на опережение, чтобы не быть тому в тягость.

Его приволокли к старому деревянному домику. Открыли дверь, пинком в зад втолкнули внутрь. От удара Вадим плашмя растянулся на полу у чьих-то ног.

–Встаньте, пожалуйста, Вадим Николаевич, – Хиляк взял его за локоть, помог подняться.

– Садитесь, – усадил за стол. Вадим повел пугливым

взглядом: перед ним стояли незнакомцы с непроницаемыми лицами.

– Не поверите, но я говорил вам правду, – зазвучал голос Хиляка за спиной. – Действительно, я хотел показать очень важные документы. К несчастью, нам помешали. А дело, как я и говорил, требовало каких-то жалких секунд. Вот, подпишите, и вы свободны, наслаждайтесь жизнью, – положил перед Вадимом листы бумаги.

Глаза Вадима «поползли» по одной бумаге с отпечатанным текстом и замерли на логотипе его фирмы. Вадим понял, что повлечет за собой его подпись.

– Держите, – Хиляк через плечо протянул шариковую ручку. Вадим не шевельнулся, сидел, опустив голову. Рука с ручкой повисла в воздухе.

– Смотри сюда, козел, – стальные пальцы сильно сжали виски, повернули голову вбок. Он увидел окровавленное тело мужчины. Оно в неестественной позе покоилось на холодном бетонном полу, поблизости валялась куртка. Вадим содрогнулся – он признал ее, она принадлежала его водителю. Тот был туго опутан веревкой. Остатки разорванной рубашки были пропитаны кровью. Лежал на боку, голова клонилась к полу. Вспухшее, обезображенное лицо с залепленным скотчем ртом было покрыто багровыми корками. Водитель был жив – у ноздрей от дыхания на черной ленте блестели капельки влаги.

– Вадим Николаевич, вы заставляете нас ждать, – Вадим

не откликнулся, в оцепенении смотрел на своего работника. Наступила тишина.

Паузу нарушил «опекавший» его в машине сосед. Он подошел к лежащему, вынул из-под штанины заостренный металлический стержень.

–Что вы делаете, оставьте его! – вскричал Вадим. Пальцы сильнее сдавили виски, «клещи» словно вонзились в мозги, Вадим импульсивно обхватил голову руками. Нестерпимая, мучительная боль затуманила сознание, он впал в полуобморочное состояние.

Тем временем «браток» нагнулся над водителем, орудием, как лезвием бритвы, со взмахом полоснул того по плечу – мгновенно брызнула кровь, тело исступленно задергалось. «Браток» налег коленом на туловище, быстро достал из кармана целлофановый пакетик, обильно высыпал белый порошок в раскрывшийся надрез – и тут же отпрыгнул в сторону.

Реакция жертвы была моментальной – под натужное мычание тело забило в конвульсиях. На лице от чудовищной гримасы раскрылись струпья, выступила кровь. Тело покачилось по полу, ударилось о стену, стало на пораненном плече, но тут же при пронзительном стоне легло на живот. Голова повернулась вбок, потянулась к ране: жертва в напряжении старалась «лизнуть» судорожно вытянутым языком пораженное место, но терпела неудачу. Отчаявшись, водитель резко изогнулся, взметнул голову и обрушил ее об пол. Раздался треск, жертва утихомирилась.

Пальцы на висках Вадима разжались, боль отступила. Вадим, не отрывая расширенных глаз от безжизненного тела водителя, полностью осознал его трагический конец.

–Ну?! – ручка упала на стол. Он в потрясении от случившегося посмотрел на Хиляка, который встал перед ним.

–Подпишись, сука, – с угрозой прикрикнул на него тот.

Вадим дрожащей рукой взял ручку, подписал бумаги.

–Печать! – потребовал Хиляк. Вадим суетливо извлек круглый металлический предмет из внутреннего кармана и положил на стол.

Хиляк взял и просмотрел листы. С удовлетворением усмехнулся, положил их вместе с печатью в чемоданчик. Направил взгляд на Вадима.

–Вадим Николаевич, постарайтесь остаться в живых. И запомните, судьбе нравится повторяться, не дразните ее. А сейчас оставьте нас, убирайтесь!

Вадим встал со стула, попятился к выходу. Там споткнулся о порог, упал наружу в снег. Поднялся, посмотрел на недругов – те с пугающим вниманием следили за ним, – бросился прочь.

Вадим бежал сломя голову. Необузданный страх гнал все дальше от преступников. В один момент он вдруг увидел, что бежит по той же проторенной тропинке. Дорожка неминуемо привела к иномарке. Он резко свернул в сторону с дороги – угодил в глубокий сугроб. После нескольких лихорадочных попыток удалось выкарабкаться из ямы. Утопая по

колено в снегу, двинулся к ближайшей сосне.

С большими трудностями преодолев расстояние, дошел до дерева, грудью навалился на ствол. Чтобы не упасть, обхватил его руками. Открытым ртом учащенно вбирал в себя воздух. Отдышавшись, бросил взгляд на сторожку. Там, в проеме дверей шевелились тени. «Сейчас пальнут», – пронеслось в сознании. Он в смятении оставил опасное место.

Вадим все отдалялся от злополучной сторожки. Сияющий диск луны, как представлялось ему в воспаленном сознании, прослеживал его движущуюся фигуру, прекрасной мишенью обозначая на белом полотне снега. Губительница насылала верную гибель – и не было спасения от света неотступной преследовательницы. Призрак неминуемой смерти замаячил перед глазами. Обезумев, Вадим метал взгляды по сторонам, но надежного укрытия не находил. Им овладело чувство безысходности, он в отчаянии завыл, упал в снег, зарылся головой в него.

Вадим лежал неподвижно. Напряженный слух не улавливал ни единого звука, в лесу царило безмолвие. Проблеснувшая мысль осветила надеждой. Вадим встал на четвереньки, закрыл глаза – лунный свет тревожил душу – и по грудь в снегу пополз: издалека недруги примут его за лесное животное.

Он двигал конечностями, выбиваясь из последних сил. Слепую, не ведая, дополз до обрыва. В очередной раз поднял руку, опустил, она провалилась в пустоту – Вадим ска-

тился по склону на узкую проезжую дорогу.

Он лежал поперек дороги в полузабытьи. Вскоре его заметили егеря. Они поместили его в автомобиль и направились в больницу. Когда к Вадиму вернулось сознание, на него напал страх. Но когда осознал, в чьей машине находится и с кем, успокоился. От медпомощи сразу отказался, лишь попросил отвезти домой.

Дома Вадим не чувствовал себя в безопасности. Весь остаток ночи на диване, «зарывшись» в локти, ждал звонка в дверь. Ранним утром позвонил Валентине.

Она, как и просил он, отложив все дела, быстро приехала на такси. Улыбнувшись ее приходу, Вадим без предварительных разъяснений сообщил ей, что в интересах бизнеса переселится за границу. Попросил поехать вместе с ним. Валентина молчаливым кивком головы дала согласие – она любила его и полностью доверяла. Посторонних мыслей не возникало: ее просил сильный и испытанный мужчина, за которым как за каменной стеной. Ему видней.

Сославшись на занятость, Вадим вручил ей свой паспорт, доллары, подробно объяснил, к кому обратиться по вопросу оформления визы, и отпустил.

Валентина с визами в паспортах и авиабилетами вернулась поздним вечером. Выехали они в аэропорт под покровом ночи.

Весь полет оба молчали. Вадим, прислонившись лбом к иллюминатору, о чем-то думал. Валентина же находилась в приятном возбуждении. Вопросы роились в голове, но она воздержалась от расспросов. Поворот в судьбе встретила с затаенной радостью и надеждой.

После приземления, выйдя из самолета, они окунулись в жаркий воздух. Таможенный контроль прошли без проблем. Поспешно сели в такси и убыли.

Шофер, к ее удивлению, оказался несловоохотливым – в ее представлении темпераментные южане отличались многословием. Вадима, как и в самолете, не тянуло к общению. Валентина смотрела в окно: ее интересовал пейзаж южной страны. Против ожидания, за стеклом, сменяя друг друга, тянулись невысокие скалистые горы и бурые холмы с многочисленными уродливыми кустарниками. Буйная яркая растительность оставалась лишь в воображении. А Великое море так и не открывалось взору.

Желаемая картина неожиданно предстала перед глазами после преодоления перевала. С высоты, при спуске в приморский городок, Валентина наконец увидела внизу безмятежную водную гладь, простирающуюся до горизонта. От радости она приникла к окну. Синяя ширь под лучами солнца зазывно искрилась. Мысленно откликнувшись на зов, Валентина взглядом спустилась по утопающему в пышной зелени склону горной возвышенности, вышла на ее длинную стопу. Сверху этот остроконечный кусок суши с отблески-

вающими разными цветами домиками на нем походил на подсвеченный огнями волшебный корабль. Она в радостном возбуждении «побежала» к носу корабля. Остановилась на острие корабля, устремила восхищенный взгляд в манящую даль. Потом взмахнула рукой. Сигнал к отплытию каравеллы был дан.

Очарованная красотой открывшегося вида, Валентина жадно льнула к окну. Ей казалось, что в действительности красочный полуостров медленно уходит в море. Она предвкушала тот близкий час, когда славное Срединное море, примет ее в свои теплые воды.

Постепенно прекрасная панорама сужалась, а когда въехали в город, полностью укрылась за возвышенностью.

Такси остановилось возле солидного здания. Вадим выскочил из машины.

—Загляну в банк и вернусь, —сказав, устремился к зданию.

Валентина продолжала пребывать под неизгладимым впечатлением: только что встретилась с мечтой – Великим морем, и ... не верилось. Однако она ощущала его близость, слышала его дыхание. Она помногу раз представляла себе, как погружается в величественные воды.

Упоительное времяпрепровождение прервало появление Вадима. Он сел рядом, спросил:

–Не скучала?

–Нет, – улыбнулась ему. С момента отбытия из Москвы

впервые проявил интерес к ней.

– Отлично! Сейчас едем в гостиницу. Все прошлое оставим за бугром – выразительно махнул рукой. – Здесь заложим новую красивую жизнь.

Он на местном языке дал команду шоферу, устало откинулся на спинку сидения.

В гостинице его приняли как давнего знакомого, Валентине стало ясно, что Вадим был частым посетителем здесь. После необходимых формальностей поднялись в номер. Багаж услужливо занесли за ними.

Вадим бросился на кровать.

– Отдохну, а вечером совершим прогулку. Здесь очень много заманчивого, – сказал он.

– И к морю пойдем? – обрадовалась Валентина.

– Конечно, как без этого, – повернулся на бок.

Валентина принялась знакомиться с интерьером гостиничного номера. Ее приятно поразило внутреннее убранство помещений. Широкие апартаменты утопали в броской роскоши. Старинная тяжеловесная полированная мебель, хрустальные люстры и бра, позолота на потолочных лепнинах — с таким великолепием она встречалась впервые. Проходя живаясь медленно по двум комнатам, каждый раз замечала новую изумительную деталь.

После осмотра она села на кровать и счастливо улыбнулась себе. Посмотрела на Вадима. Он спал в том же положении, на боку. Лицо было покрыто краснотой, дышал уча-

ценно открытым ртом. «Усталость взяла», —объяснила она себе. Вскоре засомневалась, положила руку на его лоб: Вадим пылал.

Устойчивый жар сохранялся сутками. Вадим метался в бреду, непонятно что шептал, часто вскрикивал. Иногда прорывался встать. А когда приходил в себя, поворачивался спиной к ней, сосредоточенно молчал. За все беспокойное время Валентина не оставляла его без внимания.

Он встал неожиданно ранним утром, тут же начал торопливо одеваться. Валентина тотчас испуганно вскочила с постели.

– Одевайся, – бросил он ей. Она приложила ладонь к его лбу, он грубо убрал ее руку

– Отстань.

– Куда собрался, ты весь горишь, – ужаснулась она.

– Делай что тебе сказано! – он пришел в раздражение.

Ей ничего не оставалось, как покорно исполнить его желание, вернее приказ.

Они отправились в компанию по продаже недвижимости. По пути сказал, что хочет купить частный дом. Вместе с маклером обошли с десятков объектов. Вадим отмел их с первого взгляда. Второй день принес удачу. Вадим без колебаний остановил свой выбор на особняке, обнесенном высокой, более двух метров, бетонной стеной. Железные ворота на уровне стены наполовину были обиты прочными стальными листами, выше стояла решетка из толстых железных пру-

тов. Имелась тяжелая плотно затворяющаяся калитка. Дом казался неприступной крепостью.

Двухэтажный особняк по своему внутреннему устройству понравился Валентине. Вадим не торговался с маклером, сошелся с ним на предложенной цене, но поставил жесткое условие – освободить помещения к завтрашнему утру.

К обговоренному сроку все было готово к заселению. Бывшие хозяева оставили дом в хорошем состоянии, оставалось заполнить его имуществом, утварью.

Для Валентины настали приятные будни: в вопросе организации домашнего быта Вадим полностью положился на нее, исполнял ее поручения. Сделал единственное исключение – без согласования с ней купил двух породистых щенков. В связи с данным приобретением ограничился кратким замечанием в плане того, что собаки должны признать над собой одного господина, в противном случае, как выразился, теряют свою полезность. К предостережению Валентина отнеслась прохладно: с детства не питала симпатий к четвероногим. Со дня покупки Вадим свободные минуты посвящал всецело питомцам.

Дни, проведенные в хлопотах по обустройству дома, подошли к логическому концу. Наступило долгожданное свободное от забот утро. По примеру здешних жителей Валентина облачилась в шорты, в которых чувствовала себя неловко, и в цветную майку, что тоже было непривычно для нее. Убрала волосы назад в пучок, Вадиму нравилась такая прическа,

и с улыбкой появилась перед ним:

– Пошли на море?

Вадим в ответ покосился на нее, что-то буркнул про щенков, затем «я занят», быстро вышел наружу. Валентина осталась в замешательстве, на губах дрожало жалкое подобие улыбки.

Вдруг она услышала короткий щенячий визг, посмотрела в окно. Увидела, как Вадим, переступивший через лежащих навзничь щенят, поспешил к дому. Открыв дверь, с порога распорядился:

– Поддай переодеться.

Валентина передала готовые шорты и майку.

– Ладно, пусть будут шорты, – стал снимать с себя брюки. Расстегнув сорочку, кинул ее на пол. Когда накинул на себя майку, слух Валентины уловил произнесенное им «слизняк». У трюмо, причесывая волосы, осклабился ей:

– Мы перенеслись сюда не для того, чтобы прозябать за этой чертовой оградой, не правда ли? – положив расческу, добавил: – Я помню свое обещание. – Он посмотрел на нее, галантным жестом пригласил к выходу.

Когда вышли за ворота, Валентина осторожно спросила:

– К морю?

– Мы туда и идем, – ответил он.

Вадим шел стремительно, она старалась не отставать.

– К черту бояться! – неожиданно воскликнул он. Обернулся на нее: – Я к тому, что сидим в своей пещере и носу

не кажем. Ты знаешь, я рыцарь без страха и упрека. Я знаю, ты не разубедилась во мне! – громко захохотал. Валентина оживилась. Поравнявшись с ним, взяла его за руку.

– Оно, должно быть, красивое и необъятное. Впечатление захватывающее. Интересно, соответствует оно моему представлению?

– Ты о море? Такое же, как Черное, только в светлых тонах, – снова захохотал он.

– Я и Черное море не видела, купалась только в нашей речке.

– Скоро, скоро ты увидишь этот огромный водоем, но без домашних уток.

– Оно легендарное море! В школе я грезила им. Срединное море.

– О-о, ты не ведаешь, насколько оно прожорливо! Скольких людей поглотило. И сейчас без усталости набивает себе брюхо.

– И вовсе оно не прожорливое. Тонут те, кто не любит море.

– О-о, наивное дитя, как ты ошибаешься! Море губит трусов и слизняков. Но меня не утратить, – ударил себя в грудь, – каждая букашка знает, какой я бесстрашный. Ты воочию увидишь, как я эту лужу расплещу в один прием. Я о-го-го какой могучий.

Валентине было весело. Несуразности, которые нес Вадим, откровенно забавляли.

Но вот открылась блестящая синь моря. Валентина не удержалась, побежала. Оказавшись у кромки воды, радостно обозрела горизонт. Подняла голову, глубоко втянула в себя морской воздух. Очарованная, закрыла глаза. Затем снова вкусила неповторимый запах. Оглянулась на Вадима, крикнула:

– Скорее в море! – сбросила с себя верхнюю одежду и вбежала в его пределы.

Они долго резвились в воде. Вадим, подобно хищной акуле, совершал круги вокруг нее, скалил зубы, страшно косил глаза. Приблизившись, подныривал под нее и щипал за бедро – она дико вскрикивала, он в ответ гоготал. Или она, отплыв на приличное расстояние, взмахом руки звала на соревнование. Он охотно пускался ей вдогонку, непременно настигал, хватал за ноги и тянул вниз. Тут ей было не до смеха – захлебываясь, поднимала душераздирающий крик. Подустав, нежились на поверхности, распластав ноги и руки.

Когда пресытились игрой и купанием, поплыли к берегу. Валентина растянулась на песке, Вадим присел рядом.

– Здесь, – он повел рукой по воздуху, имея ввиду полупустой пляж, – через какие-то дни яблоку негде будет упасть.

– А ты забронируешь места для нас? – шутливо спросила она. Вадим принял позу уязвленной особы.

– Вы изволили оскорбить меня! – произнес внушительным голосом. – Одну половину пляжа я отдам вам в вечное владение.

– Почему лишь половину? А вторую кому? – притворно обиделась она

– А вторую сдадите в аренду.

Она засмеялась. Потом ласково погладила его колено.

– Ты знаешь, – ее глаза искренне светились, – я сейчас переживаю взвешенное счастье.

Она радовалась тому, что обнаружила ранее неизвестные привлекательные грани его характера. Живость темперамента, непосредственность и, главное, доступность – данные качества Вадима стали приятным откровением для нее.

Под вечер в приятной усталости возвратились домой. У ворот их встретил жалостливый скулеж щенков. Вдвоем те дружно жаловались на голод и на другие тяготы собачьей жизни. Войдя в дом, Вадим в кухне отобрал кое-что из домашней снеди, с порога кинул им на корм, закрыл дверь. В этот ранний вечер уединению с собаками предпочел общество Валентины.

Пошли чередом прекрасные дни. Великое Срединное море, существовавшее ранее лишь в полете фантазии, теперь плескалось у ее ног, и всякий раз она с затаенным восторгом окуналась в его воды.

Водную стихию почитали и аборигены, ибо она по своей воле писала историю их маленького города. Прошлое было запечатлено в орнаменте старой части городка: в узких извилистых улочках, в башнях с бойницами, в оборонительных сооружениях. Вадим приводил сюда Валентину, с ма-

стерством искусного гида увлекательно, называя имена и даты, рассказывал о событиях, переломивших ход времени в этой области средиземноморья.

Во время ознакомительных прогулок любознательную по своей природе Валентину захватывал экскурс в историю. В то же время живой интерес возбуждал современный уклад местных жителей. Она старалась найти отличия в устройстве жизни, повседневности и нравах здешних аборигенов. И находила. Ее тронули часто встречающиеся тихие часовенки с горящими в них свечами. Удивили постоянно закрытые домашние окна, а также отсутствие возле домов простеньких лавочек – традиционного атрибута обихода на ее родине. Не обошлось без курьеза: озадачили непараллельные улицы, в которых не составляло труда заблудиться.

Вечера Вадим и она сопровождали в одном респектабельном ресторане – другие, по лестной шутке Вадима, не удоставались ее присутствия. Здесь она получала истинное удовольствие. Бесшумно снующие по блестящему узорчатому паркету юноши-официанты ненавязчиво искали ее внимания. Расставленные у обитых темно-красным деревом стен невысокие пальмы услаждали взор. Тихая мелодичная музыка влекла к интимной беседе. Красивый, импозатный возлюбленный говорил ей комплименты, пленял учтивостью манер. Валентина радовалась жизни. Ее девичьи грезы обратились в явь.

Однако больше всего Валентине нравилось бывать в го-

родском парке. Он располагался на небольшой плоской возвышенности и был засажен преимущественно лиственными деревьями. Только широкая аллея, которая делила сквер на две части, состояла из экзотических пальм. Бульвар брал свое начало у входа, пролегал до округлой площадки, центр которой занимал незамысловатый фонтан. Здесь, у пяточка, пальмы как бы расступались, шли по всему периметру круга.

Плато одним склоном полого спускалось к морю. Туда, к пляжному берегу, от округлой площадки, среди деревьев, мимо одной старой невзрачной гостиницы, спускалась протоптанная извилистая тропинка.

Сюда после захода солнца сходилось много народу: туристы, преисполненные желанием основательно отдохнуть, и горожане, исполненные желанием просто отдохнуть. Здесь Валентина впервые вблизи увидела загадочных иностранцев. Те по образу поведения в чем-то сходились с ее соотечественниками, в чем-то разнились. Но, как всякая живая душа, все они любили повеселиться.

Близость моря, таинственные учтивые иноземцы, чудные пальмы и распространяющий прохладу неугомонный фонтан создавали благожелательную атмосферу, привлекали романтическую натуру Валентины. Неудивительно, что она любила «чудный сад».

Однажды они сидели у фонтана. Был светлый, прекрасный вечер, но Вадим пребывал в мрачном настроении. На него иногда нападала хандра, Валентина в такие минуты

остерегалась беспокоить. На сей раз не удержалась.

– Посмотри, какая прелесть! – возбужденно схватив его за руку, показала на танцующую пожилую пару. Кавалер самозабвенно кружил в вальсе свою даму. Он нежно поддерживал свою партнершу, умело направлял ее по периметру круга. Музыка из портативного магнитофона сливалась с восторженными откликами и аплодисментами зрителей.

– Вот здорово! – воскликнула она, восторженно наблюдая за вдохновенной парой.

– Интересное явление, – обнаружил свое присутствие Вадим.

После завершения танца она в радостном возбуждении обернулась к Вадиму:

– Тебе тоже понравилось?

– Случайность, отклонение от нормы, – вяло прокомментировал он. На лице Валентины выразилось недоумение.

– Я хочу сказать тебе, – в его голосе просквозило раздражение, — что эти самодовольные человеки есть представители преобладающего на планете племени. Образ существования данной породы заключен в трех ипостасях: подневольная работа, бессодержательная общение с себе подобными и сладостный сон. Истинное наслаждение находят в тривиальном досуге. Им понятны лишь синонимы. Им не свойственны противоречия ума. Лениность ума – вот их характерный признак. – Лицо Вадима стало жестким. – И будут они плестись по колее, проложенной другими. А в конце колее

их ждет бесславная смерть.

А то, что ты зрела с таким восхищением, всего лишь неудачное исключение из правил. Точнее, ширпотреб, низкопробная имитация прекрасного – ничего более.

– Вадим, дорогой, о чем ты говоришь?! – Валентина старалась улыбнуться.

– Этого следовало ожидать, – со злостью отреагировал он на вопрос.– Попытайся уразуметь, моя милая, что есть другая плеяда людей. Их малое количество – как благородные металлы, но за ними эта низкопробная масса следует послушно. В них сокрыта высшая истина. Они сильны умом и духом. Неудачи, удары судьбы их не сгибают. Ты слышишь, – он возвысил голос, – их невозможно сломить! Это элита! Именно они достойны восхищения и преклонения. Они ведущие. Первопроходцы! Они вершат историю человечества. Так устроен мир. Все очень просто, милая моя: есть голова и есть конечности.

Он замолк, но не сводил с нее рассерженного взгляда.

– Ответь, пожалуйста, к какой категории ты относишь меня? – защитилась нервной усмешкой она.

– Вопрос, конечно, интересный, – коротко засмеялся. – Весьма похвально, что мыслишь категориями. Я приятно поражен.

– И на этом спасибо, – Валентина отвернула лицо.

Для нее позиция Вадима не явилась откровением: его скрытая горделивость нередко обнаруживалась в поведении.

В общении с ней он позволял себе снисходительное обращение, пренебрежение к ее мнению, бестактность, если не грубость. Несмотря на это, она отдавала должное его бескорыстию, щедрости. Ценила ум, широту познаний. Он, несомненно, имел достаточные основания, чтобы претендовать на роль неординарной личности. Вот только высокомерие с его стороны стояло преградой между ними.

– Да, мир устроен просто – факт очевидный. Одним судьба приветливо улыбается и возвышает, другим – криво усмеяется и неволит, —с обидой заключила она в раздумье.

Валентина не желала мириться с той ролью, которая была отведена ей. В глубине души она верила в свои нереализованные возможности и силы. Уверенность в том, что придет время и судьба обязательно даст ей шанс проявить их, не покидала ее. Верила, что настанет время, когда займет равное, значимое, достойное место в глазах Вадима. И та непринужденность, которая отмечалась между ними в тот первый незабываемый день у моря, станет нормой в последующей совместной жизни.

Валентина посмотрела на Вадима. Он сидел с угрюмым видом. Она встала, выразила желание отправиться домой. Он не возразил. Валентина с печалью мысленно попрощалась с парком. Не нравилось Вадиму бывать здесь, она это замечала. Не ведала, что судьба решит по-иному, с благосклонностью отнесется к ее влечению.

ГЛАВА 5

Объявление о продаже той невзрачной гостиницы в зоне парка прочитал Вадим в газете. Он поделился новостью с Валентиной.

– Счастливец тот, кто купит гостиницу, – сказала она по данному поводу.

– Почему так считаешь? Продавец, по-твоему, дурак? – внимательно посмотрел он на нее.

– Не знаю. Но я думаю, что если на таком выгодном месте – ну, сам посуди, внизу прекрасный естественный пляж, а наверху тенистый парк —построить современный комплекс, то от желающих отбоя не будет.

– Ты думаешь, такая очевидная мысль не могла прийти в голову владельцу?

– Я не думаю так, Вадим. Хорошие мысли приходят многим, но берутся осуществлять их немногие.

– Странно, не пустой мечтатель, а человек, который знает ценность деньгам и знает, как их приумножить, вдруг отказывается разбогатеть. В голове не укладывается, хотелось бы услышать твое мнение.

Тон ей не понравился.

– Вадим, если можно, прекратим бесполезный разговор, мне неинтересно, – обсуждение привело бы к спору, который завершился бы, однозначно, насмешливыми замечаниями в ее адрес.

– Нет, совершенно не бесполезный. Твои мысли созвучны

моим, и очень интересно, как ответишь на мое замечание.

– Опять прикалываешься, да? – насторожилась она.

– И не собираюсь, ты без причины обижаешься. Ну ответь, почему владелец отказывается от выгодной перспективы?

Тут она не уловила фальши в его голосе.

– Я не вижу в этом никакой загадки. Не каждый видит счастье в том, чтобы одолеть высоту, будь то богатство, карьера или что-нибудь другое.

– Хлестко сказала, но точно. Хвалю! Рожденный ползать летать не может. А если серьезно, новость меня заинтересовала. Что скажешь – пойдем на штурм высоты?

– Полетать захотелось? – воспользовалась она непринужденной обстановкой.

– Совершенно верно. И учти, не в мечтах, а наяву, и на пару с тобой.

– Ты, конечно, будешь ведущим, а я ведомой. Горючего хватит? Высота-то немалая.

– Горючего хватит, и высота к твоему сведению – не недосягаемая. Вопрос в том, удержишься ли ты в полете.

– Насчет меня можешь не волноваться – махать руками не велика трудность. Я еще, открою тебе тайну, и ногами могу дрыгать. Так что я не подведу тебя. Лучше скажи, когда взлетим-то.

– Завтра.

– Фу ты, дура – думала, прям сейчас.

– Выходит, шутишь ты, но не я.

На следующее утро они направились в гостиницу. Валентина сомневалась в искренности намерения Вадима, считала, что он замыслил розыгрыш. Когда же зашли в гостиницу, сердце радостно забилось в груди.

Владелицей оказалась старая женщина. Свое решение она мотивировала тем, что остаток жизни желает прожить в беззаботности, ведь годы не те. В ответ на вопрос Вадима, почему бы не передать управление кому-нибудь из родных, с грустной иронией ответила:

– Сын мой очень жизнелюбивый человек – заведет сюда своих жадных проституток, платы брать не будет, превратит гостиницу в смердящий бордель. Не могу такое допустить! Гостиницу оставил мне в наследство мой бедный отец, вечный покой его душе, – осенила себя крестом, – и мне суждено отчитаться перед ним на небесах, а не развратнику-сыну.

Старушка, милая в обхождении, на деле показала себя крепким орешком – держалась за объявленную цену мертвой хваткой, никак не уступала. При этом причитала, что в силу старческой глупости назначила заниженную стоимость и что изменить ничего не может, так как вспыхнувшее уважение к нему, Вадиму, не позволяет ей пойти на непочтительный шаг.

Вадим, видя перед собой непробиваемую стену – таран бы спасовал, – принял ее условие. Старушка до конца сыграла роль: печально вздохнула и подписала договор купли-продажи. По уговору Вадим вступал во владение с начала будуще-

го сезона.

После того как сделка совершилась, стороны торопливо распрощались. Спускаясь по узким, скрипучим лесенкам, Валентина с боязнью держалась за его руку – Вадим тихо посмеивался.

– Видишь, какая птичка попалась, крутого полета. Удивляюсь, почему не подмяла под себя весь городок. Учись! – сказал он, когда вышли наружу.

– Я буду учиться у тебя, – она прильнула к его плечу.

– Будь по-твоему, учись, но и соображай собственной головой. Валя, все хозяйство отдаю в твое распоряжение. Шутить, как я понял, ты умеешь, что неплохо. Надеюсь, делом подтвердишь верность изречения: в каждой шутке есть доля правды.

– Большая доля, Вадимушка.

– Не преувеличиваешь свои возможности? – с недоверчивой усмешкой спросил он.

– Никак нет!

– Тогда скажу кое-что для твоей же пользы. Время, которое выделил нам этот мафиозо в юбке, надо использовать с максимальной пользой: пойдешь на курсы изучения языков, английский и местный. А я возьмусь за проект.

– Какой проект?

– Как какой? Не ты ли вчера слезно просила снести эту развалюху и на ее месте построить современное здание?

– Значит, я буду работать уже в новой гостинице?! – она

подпрыгнула от радости.

– Ну ты взлетела! Минимум год нужно на строительство, когда успею? Первый сезон поработай в этих старых стенах, под твоим ласковым и нежным взором, думаю, они не обрушатся, годик протянут. Так даже лучше: гостиница маленькая, забот меньше. Для старта идеальные условия.

– Только чур первое время подсобишь.

– О-о, ты, я вижу, далеко пойдешь: не просишь, а требуешь.

– От тебя далеко не уйду, так, на расстояние вытянутой руки.

Вадим обозрел местность:

– Везет же людям! Вот твое море, вот твой парк – а ты посередине, хочешь —, бери это, хочешь – бери то. Счастливая, аж зависть душит.

Валентина обхватила его шею, крепко поцеловала. Пробыл ее час, она не упустит своего шанса.

Праздной жизни наступил конец. Валентина усердно принялась за изучение иностранных языков. Английский, который изучала в школе, давался легче, чем местный. Вадим по мере возможности помогал ей в учебе. Нередко устраивали практические занятия: разговаривали друг с другом исключительно на одном из двух языков. Он был строгим учителем, она робела перед ним. Сам же он до наступления вечера пропадал в своем кабинете, где работал над проектом гостиницы.

Время не стояло на месте. Однообразные, но насыщенные дни «поглотили» осень, настала зима. Прошло Христово Рождество, подошла очередь Нового года. Вадим решил накрыть богатый стол.

– Вадим, мы не ждем гостей, к чему такие траты? – заметила Валентина, когда готовились к новогоднему торжеству.

– Привычка, не могу иначе. Люблю обставлять все наилучшим образом.

– Ну да, забыла, ты ведь любишь покорять только высоты.

– То-то и оно, – согласился он, расставляя приборы. Он умел красиво сервировать стол. – Вершина, Валь, – это регистр человеческой личности, если можно так выразиться. Чем выше высота, тем выше ценность человека.

– А для меня высота то же самое, что стоять над бездной, обязательно закружится голова – и вниз.

Валентина украшала елку, тема ее заинтриговала.

– Тут ты необъективно рассуждаешь, – не согласился Вадим с ее доводом. – Если ты сама, без чьей-либо помощи, возьмешь высоту, то поверь мне, голова не закружится. Скажу больше – мир открывается шире, другие мысли рождаются в голове, истина ближе становится. Понимаешь?

– Не знаю, но я бы не пожелала себе такой участи. Вначале, наверное, будет приятно – люди кажутся букашками, а ты такой огромный, величественный. А потом? А потом происходит следующее: с букашками-то не о чем говорить. Во-первых, они далеко, не дозовешься, во-вторых, о чем с

букашками вообще можно говорить! Вот и приходится вести интеллектуальные беседы с самим собой. А это значит, мой дорогой, движение в обратную сторону, спуск, то есть медленно и верно сходить с ума.

– Да, интересно мыслишь. По-твоему, люди, то бишь букашки, хорошие, а человек, то бишь правитель – плохой, так?

– Насколько я знаю из истории, многие из них плохо кончали. Другое дело, если правитель будет править в контакте с народом, тогда ему не грозит печальный конец, это и есть подлинная демократия.

– К твоему сведению, Черчилль считал демократию неудачной формой правления, чтоб ты знала. Я вот расскажу одну мудрую притчу, оставь елку, – Валентина отложила игрушку, обернулась к нему. – Так вот, слушай, выводы сделаешь сама. Эту притчу рассказал мне друг моего отца, умнейший человек.

В некой стране царствовал жестокий властелин, тиран. Жил он в роскоши, а его подданные помирали с голоду. С непокорными расправлялся просто – «казнить!». Однажды переполнилась чаша терпения у народа, собрались люди и свергли тирана. Потом стали думать, кому дать трон. Целую ночь судили и рядили, под утро пришли к единому мнению: возведем на престол человека из нашей среды. Простолюдин знает наши чаяния, мыслит как мы, значит, будет хорошим царем. Решили так и сделали. Выбрали одного уважаемого

горожанина, возвели на трон.

Новый царь правил по-иному. Все царское золото, дворцы, поместья и, естественно, землю передал в собственность народу. Был скромным, не выделялся, носил ту же одежду, во что одевались его подданные. Ел ту же пищу, что и все. Двери его дома были открыты – всякий мог войти без спроса, сесть и поговорить с ним на государственные темы. Каждый важный вопрос выносил на всенародное обсуждение. Всех уравнивал в правах перед законом, всем дал почувствовать себя людьми, то есть установил демократию.

Вздыхнул народ свободно, забыл о страшных временах. Оставалось жить, радоваться да восхвалять доброго царя. Но не тут-то было, стало зреть недовольство. Собирались люди группами и рассуждали: «Ходит в той же одежде, какую носим и мы. Ест то же, что и мы. Мыслит так же, как и любой из нас. Что за правитель, если без нас не может управлять страной?!» И пришли ко всеобщему заключению: «Не царь! Шут! Просто стыд! Какой позор!!!» Переполнилась у них чаша терпения, взяли и под улюлюканье выставили вон из страны несчастного.

Следующего царя без раздумий избрали из знатного рода, представительного и важного, и передали ему все свои права, на то он и правитель, к тому же так меньше забот и больше покоя. Тот, не дурак, учинил такой жесточайший режим, что было опасно просто разговаривать на улице – вмиг обвинят в заговоре. Вполне логично, ибо у нового царя были

одни права, а у народа остались одни обязанности.

В стране воцарилась тишина. Нарушалась она тогда, когда властитель выходил из дворца. Народ встречал его возгласами: «Царь! Наш царь! Наш бог!» Посмел бы кто-нибудь не восхвалять! Обязаны были. Мораль такова: по своей воле стали безвольными букашками, – усмехнулся Вадим в завершение.

– Я что-то не поняла, ты хочешь сказать, что простому народу люб тиран? – спросила Валентина в недоумении.

– Вовсе нет, тиран – это зло! Однако надо заметить, – здесь Вадим вскинул взгляд на часы. – У-у, ты посмотри, Новый год нас и не слушает, идет, не останавливаясь. Быстро кончай с елкой и за стол

... По предложению Валентины подняли бокалы и отметили Новый год по московскому времени.

– Домой хочется, Вадим, — с грустью произнесла она. — Там сейчас лежит пушистый снег, здоровый воздух, снежки, веселье — тебя не тянет туда к нам?

– Зимой здесь одна слякоть, — уклонился он от ответа.

– Да, сыро и уныло. А давай, Вадим, – у нее загорелись глаза, – установим параболическую антенну. Поймаем Москву и будто мы у себя дома, а то иногда тоска берет.

– А ты где живешь, разве не у себя дома? Не в гостях! Всеу свое время, успеется. У тебя должна быть одна забота – выучить языки. Свой родной не забудешь, не беспокойся.

От жесткого ответа Валентина смешалась. В голове про-

мелькнула мысль о том, что Вадим не поддерживает никакой связи с родиной.

Валентина с жадной любознательностью познавала реалии неведомого прежде мира, в котором волею судьбы оказалась. Вместе с тем она не пыталась поднять завесу над прошлым Вадима. Наверное, как любая женщина интересовалась только существующим положением дел, то есть настоящим временем. С другой стороны, возможно, что данный вопрос считала деликатным: каждый имеет право на личную тайну. Но, быть может, просто не осмеливалась открыто проявить интерес к его прошлой жизни. Или же полагала, что час откровенного разговора еще не приспел. При всех условиях пробел оставался неоправданно невосполненным, однако невозможно обустроить настоящее без учета прошлого. Вероятней всего, взаимоотношения Вадима и Валентины сложились бы лучшим образом, владей она необходимой информацией о нем.

Естественно, Валентина мечтала о семье с Вадимом. Мезальянс был неприемлем для нее. Она считала, что именно в союзе двух равноценностей кроется семейное счастье. Она верила в себя и полагала, что благодаря удачному стечению обстоятельств сумеет добиться значимого положения. Равноправный брак лишь вопрос времени. А в том, что небезразлична ему, она не сомневалась.

Семья, конечно, дело не пустячное. Можно сплести тонкую паутину, а можно соткать прочную узорчатую ткань. Все

зависит от подручного материала, коими являются муж и жена. Готовый рецепт семейного счастья человечество еще не изобрело, и, по всей видимости, сногшибательного открытия не дождемся. А в среде животных и слыхом не слышали об этом мистическом средстве. И ничего, живут себе припеваючи. В доказательство стоит привести один наглядный пример. У разнополых собак Вадима – они уже выросли до грозного вида – составила семья. Правда, обошлись без смотрин, ненужные хлопоты. Важно другое: мучительный вопрос: кто глава, кто хвост, не возникал между ними, на зависть двуногим. По крайней мере битье посуды – пары мисок – не имело места. Взаимопонимание исключительное: если едят, то бок о бок, если общаются, то так трогательно и нежно, что отпадает необходимость в признаниях в любви (между прочим, произнесенная фраза – ложь, правильно говорили древние греки). Уважение друг к другу – нам и в мечтах невозможно представить себе. Адюльтера никакого. А если и были между ними мелкие разногласия, то сор из избы никогда не выносили. Ну, не был отмечен факт, чтобы собаки Вадима с громким лаем выбрасывали из своих конур обглоданные косточки – семья крепка своими тайнами! Пора, наконец, отказаться от собственного разума – мутагена злокозненности – и вернуться к животным инстинктам! Не надо, черт побери, ничего выдумывать! Счастье рядом и доступно.

Проблемы, проблемы, проблемы... Где их только нет. Бы-

ла одна проблема и у питомцев Вадима, как это ни странно. Часто они жаловались друг другу на то, что незаслуженно существуют на птичьих правах: ни тебе уважения, ни тебе сочувствия. Не находил хозяин и маленькой минуты, чтобы приласкать. По утрам, выходя из дому, не приветствовал, будто они пустое место. Сверх того, постоянно нарушался режим питания, и постоянно приходилось поднимать тоскливый вой. Маленькое утешение: чем громче и жалостливей звучало напоминание хозяину о своих пустых желудках, тем скорее решался вопрос. Да, хитрость дело прибыльное, но она не решала главную проблему. Эх, много несправедливости на свете.

Однако любовь перевесит все. Несмотря на невнимание хозяина, собаки искренно любили его. К их великому сожалению, не выпадал счастливый случай защитить хозяина от смертельной угрозы. Уж они бы доказали свою преданность и полезность. Яростно напали бы на обидчика и проучили бы как следует. Тогда бы понял он, какое добро лежит на лужайке. Разве эта мелкотравчатая кокетка защитит его? Что-то не верится: ни зубов, ни пасти. Да, доля собачья не сладкая, надо терпеть.

Надежда двигает всеми. Вадим и Валентина ждали весны, каждый связывал с ней определенные планы. Подопечные Вадима ждали счастливого случая.

Весна без затяжных предпосылок пришла на смену дождливой зимы. Здесь не звучали звонкие капли, не открывались весенние проталины. Исчезли унылые тучи, отдохнувшее солнце открыто и уверенно направило жаркие лучи на землю. Природа стряхнула с себя апатию.

С приходом весны атмосфера в доме накалилась – Вадим стал болезненно раздражительным. Он отстранился от работы над проектом гостиницы. Ни к чему не проявлял интереса. Большую часть времени с хмурым лицом прохаживался по дому. Включал телевизор, но, пробежав по всем каналам, выключал. Поднимался к себе в кабинет, пробыв там непродолжительное время, вновь спускался. Или же ложился на диван, в угрюмой задумчивости взирал на потолок.

Нередко внутреннее недовольство прорывалось наружу. В такие минуты в полной мере давал исход накопившемуся чувству: в кабинете пинал до боли ножку стола либо до крови впивался ногтями в локоть.

Выпадало на долю и Валентине. Заслышав, как она заучивает иностранные слова, врывается в комнату:

– Спусти свое оканье в унитаз и забудь! Слушать тошно!

Не отказывал себе в удовольствии высмеивать. Намеренно парадно дефилируя по коридору, выкрикивал, подражая ей, но в более уродливой форме, услышанные иностранные выражения. А однажды стал у порога и с кривой улыбкой «предсказал»:

– Не тешь себя надеждой, что именитые лингвисты при-

числят твой английский к какому-нибудь редкостному диалекту. Глубоко заблуждаешься—стошнит.

На всякий выпад Вадима Валентина ниже склонялась над учебником, беззвучно шевелила губами. Единственный протест выразился в том, что в его отсутствие отважилась прикрыть дверь в комнату. Без последствий не обошлось. Спустившись вниз и заметив прикрытую дверь, он демонстративно распахнул ее, не без ехидства сделал ей признание:

– Пожалуйста, не манкируй моими высокими чувствами к тебе. Не лишай счастья лицезреть тебя, ибо в противном случае не прожить мне и минуты.

Особую немилость испытали на себе четвероногие питомцы. Стоило им обнаружить во всеуслышание свое существование, как тут же следовала неадекватная реакция Вадима. Угрожающе чертыхаясь, он выбегал на лужайку, покрывал их громкой бранью, бросался любым предметом, который попадался на глаза. Огромные собаки в панике забивались в конуры. О насущном хлебе теперь виновато скулили в воздух.

Разрядка наступила также неожиданно. В один из вечеров Вадим вдруг присоединился к ней, когда она в гостиной смотрела фильм. Сел в кресло и устремил взгляд на экран телевизора. Демонстрировали комедийный фильм. Валентина с целью рассеять его мрачное настроение и таким образом предупредить возможную агрессивность с его стороны с деланным смехом кратко рассказала о предыдущих сценах.

Он выслушал, кивнул головой, затем снова обратил взор на экран.

Фильм в действительности соответствовал жанру. Смешные трюки и поступки действующих лиц не оставляли зрителя равнодушным. Зрелище привлекло внимание Вадима. Хмурость спала с лица, взгляд оживился. Начали обмениваться репликами. Валентина заразительно смеялась. Вадим в ответ улыбался.

Кинокартина прерывалась рекламой. Во время очередной приостановки Валентина с теплой иронией заметила:

– Не могу поверить глазам своим, Вадим, ты не брюзжишь, не сердишься.

Вадим смутился, но сумел отшутиться:

– Не поверишь, во всем виновата весна, вот такая она нехорошая.

– И я должна теперь каждую весну встречать со страхом?

– Не принимай мои слова всерьез, забудь. Считай, что ничего не было.

– А я не хочу забывать, ты должен понести наказание за вредительство, – кокетливо, с притворным возмущением заявила Валентина.

Вадим откликнулся на ее веселый настрой:

– Если ты такая кровожадная, то ничего не остается, как выслушать приговор. Но знай, за вредительство при незначительных последствиях ограничиваются штрафом, на худой конец условным сроком.

– Нервные клетки, мой дорогой, не восстанавливаются, так что у меня свой суд. Но учитывая, что ты признал свою вину, выношу мягкий приговор: садись рядом и переводи незнакомые слова и предложения.

– О вашей гуманности ходят легенды, я же думал, что все это досужие выдумки. Каюсь, непростительная ошибка, – он пересел к ней.

Вадим отбывал наказание виртуозно. Он успевал синхронно перевести и тут же с юмором прокомментировать эпизод. Валентина, как бы в отместку за пережитое, хохотала вволю.

Внезапно он на полуслове осекся, замолк.

– Вадим, не молчи, развлекай, – обиженно протянула она.

– Тс-с, тихо! – прошептал он. Встал, отключил звук. В наступившей тишине слух обоих воспринял протяжный собачий вой. Они переглянулись – собаки так странно не вели себя никогда.

После короткой паузы завывание возобновилось. Вадим бросил недоуменный взгляд на Валентину и вышел.

Открыв наружные двери – замер на месте. Он увидел полную луну. Та сияла в полную силу, заливая лужайку белым светом. Он опустил взгляд. На отсвечивающей траве, которая казалась белой, четко обозначались длинные неподвижные черные тени собак. Словно замороженный, Вадим уставился расширенными глазами на лужайку.

Оцепенение тянулось недолго. Вадим закрыл глаза, спеш-

но отступил назад, захлопнул дверь перед собой. Постоял в раздумье, после медленно двинулся в сторону гостиной.

– На луну выли? – спросила Валентина, когда вошел.

– Да.

– Поздно я догадалась, а то бы остановила тебя, – она включила звук телевизора. – Ты, мой дорогой, еще не отбыл заслуженного наказания, – потянула его за руку. – Садись и развлекай – к ней вернулось веселое настроение.

– Знаешь, мне стало неинтересно, – пробормотал он.

– А почему? – поразилась. Ответа на вопрос не услышала, он без объяснений покинул ее. Уговаривать не стала, ибо боялась нарваться на колкости.

Вадим поднялся к себе в кабинет. Закрыв за собой дверь, прислонился к ней спиной.

– Произошла вспышка в памяти, яркая, значит, конечная. Уголек тлеет и тлеет, а перед угасанием вдруг вспыхивает.

Он ожесточенно потер лоб ладонью:

– Ни в коем случае не думать о том, что произошло! К тому же ничего и не было, просто показалось, все, точка... Спокойствие и еще раз спокойствие. Сейчас сяду за стол, займусь проектом, неотложным делом, и все забудется, следа не останется.

Он подошел к письменному столу, сел. Взял карандаш в руки, сосредоточил взгляд на ватмане с чертежом.

– Вот это новый корпус гостиницы. Неплохо смотрится. А это, пожалуй, бассейн. А почему прямоугольный? Может,

лучше его округлить?

Он описал круг вокруг прямоугольника.

– Не годится, нет, – стер резинкой линию окружности.

– А это что такое? Вспомнил – пальмы. Пусть будут. Возьмем другой чертеж, фасадный. Так, сколько этажей у нас? Раз, два, три, четыре. Четыре этажа. Наверное, лучше построить в пять этажей. Нет, в четыре. Нет, не-ет! Слизняк! Мразь! Забудь, не бери в голову, – стал ударять кулаком себя по голове. – Получай, получай, урод, выбью чужь.

Встал из-за стола, возбужденно прошелся по комнате. Снова сел, склонился над чертежами. Выбрал один, отложил в сторону, второй тут же отбросил – вынесся из кресла:

– Предатель! Мразь! Вывалить в грязи задумал. Не выйдет, не буду жить с позором, —обхватив ладонями голову, нажал на виски. – Выдавлю эту гадость... не станет позорить... прочь. Наклоняясь все ниже, пригнулся до предела и застыл в согбенном положении. От напряжения лицо покраснело, глаза вспучились. Из плотно закрытого рта пробивался натушный звук.

Выбившись из сил, порывисто выпрямился, жадно раскрыл рот. Отдышался. Затем вновь опустился в кресло. Взял один из чертежей, поднес к глазам... и вновь не заладилось.

За этот вечер Вадим неоднократно брался за бумаги и всякий раз срывался с места, чтобы сполна воздать дань охватившему его негодованию. Он «очищался», затем снова садился за стол. Страшную круговерть лишь на секунды пре-

рвал осторожный стук в дверь: Валентина напомнила о позднем часе, на что он не пожелал отреагировать.

Вадим спустился в спальню глубокой ночью.

В последующие дни спавший с лица Вадим, обросший щетиной, что никак не вязалось с его строгой аккуратностью, часто уединялся у себя наверху, где, изматывая себя, пытался отрешиться от непрощенных видений прошлого. Он уже не изводил Валентину придирадками – угрюмый, с отчужденным взглядом, не замечал ее. Отвернулся и от собак. Питомцы, имея горький опыт, и сами остерегались его. Изголодавшиеся, они кормились той пищей, которую бросала им через окно побаивающаяся их Валентина.

Неизвестно, сколь долго сохранилась бы напряженная атмосфера, если не поступок собак. То ли оскорбились подачкой Валентины, то ли шестым чутьем унюхали, что с хозяином происходит что-то неладное, то ли истосковались по нему – но они вдруг, пересилив страх, подошли близко к дому и громко призывно залаяли. Услышав настоящий зов своих подопечных, Вадим подошел к окну. Собаки, увидев хозяина, завиляли хвостами, закружили на месте. Питомцы возбужденным, но забавным выступлением захватили его внимание. Они радостно шумели, высоко прыгали, словно стремились достичь его. В какой-то миг замирали. Затем, убедившись в том, что хозяин продолжает смотреть на них, снова пускались в веселую пляску.

Вадим отошел от окна, спустился вниз, набрал полное

блюдо еды, вышел к собакам – и остался с ними. Теперь каждое утро он спешил к собакам, как к спасительному маяку – в общении с ними стало легче противостоять отголоскам злополучного происшествия в лесу. Целый день носился с ними. Когда приближался вечер, усталый, изможденный ложился в постель. Присутствием Валентины пренебрегал.

Валентина сама избегала общения с ним по причине его непредсказуемости. Внешне демонстрировала гордое безразличие. Продолжала посещать курсы, работала над собой. В отсутствии помех со стороны успешней продвигалась в познании языков. Валентина делала первые практические шаги на пути к заветной цели.

ГЛАВА 7

Наступивший туристический сезон преобразил городок. В людных места, как грибы после дождя, возникли лотки с мелким ширпотребом и лакомствами, открылся рынок сувениров. Когда на улицах появились первые туристы, пурпурные от южного солнца скандинавы, расчетливые жители ярче заулыбались.

Некоторые гостиницы начали функционировать, а их нуждалась в подготовке к приему постояльцев, которые, согласно контрактам с туроператорами, должны были прибыть в считанные дни. Однако Вадим не предпринимал никаких действий. К горечи Валентины, он, увлеченный собаками в такое непозволительное время, где-то пропадал по утрам,

а, возвратившись, оставался с ними вплоть до того, когда ложился спать. Создавалось впечатление, что не Вадим, но другой, чужой, легкомысленный подросток поселился в доме. Безучастность Вадима расстраивала Валентину, однако напомнить ему о гостинице не хватало духу. Трудный разговор каждый раз переносила на следующий день.

Скорректировала ситуацию бывшая владелица. Звонок ее был неожиданным, но своевременным.

– Господин Вадим, надеюсь это вы? – в голосе сквозил почему-то грустный упрек.

– Здравствуйте, госпожа Мария, – он узнал ее.

– Я так ждала вашего звонка, горела желанием передать свой опыт, но вы позабыли несчастную старушку.

– Не стоит сокрушаться, госпожа Мария, ваш образ никогда не сотрется из моей памяти. – В то же время ее подозрительная услужливость насторожила.

– Спасибо за теплый отзыв, но вынуждена сообщить, что я опечалена, а может, и больше, – голос отчетливо дрогнул.

– По какому поводу? – удивился Вадим.

– Вы еще спрашиваете? Я доверила Вам самое дорогое, что есть у меня в жизни, детище моего отца, а что я вижу теперь? Ужас!

– Простите, госпожа Мария, гостиница рухнула? – не на шутку испугался Вадим.

– К счастью, нет, но она стоит сиротливо, без живой души. Душа моего благородного отца с грустью смотрит на свое

творение.

«Хитрая бестия, наверняка приготовила "подарочек"», – заключил Вадим.

– Скоро гостиница оживет, и душа вашего отца возрадуется, – ответил он.

– Когда?! Я не вижу никаких действий с вашей стороны, а через три дня прибудет первый набор, из турфирм идут нескончаемые звонки.

– Пропустим первый набор, и шут с ним.

– О, пресвятая дева, что я слышу! С таким подходом вы лишитесь всех клиентов. Кто будет возносить благодарность моему родителю? Я всю ночь мучилась от мысли расторгнуть с вами договор, вы же знаете, у меня пока есть право. Неужели такое случится?

– Госпожа Мария, отгоните прочь эту мысль. Обещаю, что подобное впредь не повториться, душа вашего благородного отца умиротворится.

– А я могу вам верить, господин Вадим?

– И не сомневайтесь.

– Не представляете, как я всю ночь противилась нехорошей мысли. Завтра в восемь утра буду ждать у гостиницы, хочу поделиться опытом работы. Придет и Екатерина, она подготовит комнаты.

– Какая еще Екатерина?! – предчувствие не подвело, понял, что попался на уловку.

– Та, которая работала у меня. Без нее вам не обойтись.

«Подарочек» обрел конкретную форму.

– Вы решили за нас, и возражать не имеет смысла, – в раздражении заметил Вадим.

– Я буду ждать. До свидания, господин Вадим, – довольным тоном попрощалась старушка.

– Всего хорошего и вам, – проворчал он.

Валентина стояла рядом.

– Чертова старушка, навязала свою прислугу. Ловко получилось, выждала-таки удобный момент, разыграла целую драму. Здесь просить не любят – действуют, – недовольно поморщился. – Завтра в восемь утра надо быть в гостинице.

– А ты не пойдешь со мной? – робко спросила она.

– Мне там делать нечего, мало радости доставят мне эти две кумушки. А тебе советую слушать в оба уха, она тебя научит, как делать бизнес, лучшего наставника не подыскать.

Наутро в кухне на столе Валентина увидела связку ключей и стопку гостиничных документов. Она вышла на лужайку, потом зашла за угол дома – поиски оказались тщетными. Вадим и на этот раз не изменил своему странному увлечению, исчез вместе с собаками. Валентина вернулась в дом, слезы обиды выступили на глазах: он даже не счел нужным проводить ее, приободрить. Смутный, нехороший сон оправдался. Она посмотрела на часы: время торопило.

Встретились они на площадке возле фонтана. Старушки сидели на скамейке, устремив на нее изучающий взгляд. Увидев их, Валентина тотчас вспомнила, что в конце сна по-

чувствовала облегчение – примета добрая. Волнение улеглось, она улыбнулась обеим.

– Доброе утро, не вижу вашего мужа, – с милым выражением приветствовала ее «потрошитель».

– Он заболел, – Валентина решила изъясняться кратко, хорошо известными банальными фразами, дабы уберечься от ошибок в речи.

– Очень жаль. Он мне очень понравился, я в восхищении от него. Представляю, как вы счастливы с ним.

– Да, – ответила Валентина.

– У вас прекрасный акцент, поздравляю, ничуть не хуже, чем у господина Вадима.

– Спасибо, – Валентина смутилась.

– Скромность, моя куколка, богатство женщины. И ваш муж очень скромный, вы идеальная пара, – она обратила взгляд на приятельницу. – Екатерина, ты, наверное, догадалась, с кем я разговариваю. Эта красивая дама – супруга нового хозяина, познакомься. – Валентина назвала свое имя. – Прекрасно, я очень рада. Теперь пройдемте в гостиницу, у нас сегодня много дел

Старушка очаровала Валентину: профессионально и доходчиво провела мастер-класс. Обучила основным навыкам обращения с туристами. Подказала, как правильно, с выгодой для себя составить контракт с туристическими агентствами (передала несколько типовых договоров). Особый упор сделала на такой интересный, по ее словам, момент в

коммерческой деятельности, как уплата налогов. Данному разделу посвятила львиную долю времени. И неудивительно, ибо чтобы много зарабатывать, но при этом мало платить алчному государству, нужно хорошо знать законы.

Валентина с осанкой прилежной ученицы за партой внимательно слушала, кивала головой в момент усвоения того или иного урока, записывала пожелания и советы в записную книжку. Вадим был прав: бывшая хозяйка явилась кладезем хитроумных и полезных способов.

– Позволь мне на этом завершить маленький курс обучения, моя куколка, устала, старая стала, – сказала пестунья после нескольких часов преподавания. – Видела бы ты меня молодой. Энергии было не занимать, сутками могла не спать, тако-о -е вытворяла, – посмеялась, но потом резко посерьезнела, вознесла очи, перекрестилась и жалостливо произнесла:

– Прости меня, Господи, вовсе не горжусь, – посмотрела на Валентину. – Видишь, какое слабоумие у меня от старости.

– Да, да, – Валентина не уразумела, но машинально покачала головой.

– Ты это заметила? – забеспокоилась та.

– Да, очень хорошо. М-м, гостиница, туристы... очень хорошо учили... Да, вы очень умная, госпожа Мария, – Валентина все еще пребывала в волнении, что порой мешало понять правильно собеседницу.

– Я поняла, моя куколка, – облегченно вздохнула, лицо расплылось в улыбке. — Я помогу тебе принять первую группу отдыхающих. И не стесняйся, звони, если возникнут проблемы.

С этого дня Валентина ступила на трудовую стезю. Гостиница стала ее вторым родным домом. Утром спешила сюда, а поздним вечером с неохотой расставалась с ней. Работы было много. Они вдвоем с Екатериной «вылизывали» каждый метр номеров. С метелкой и совком носились по территории вокруг гостиницы и по пляжу. Драили, мыли, вычищали. Из боязни не успеть к прибытию первой группы туристов на время отпросилась с курсов. В итоге к намеченному сроку гостиницу привели в полную готовность.

Наступил волнительный день. Валентина надела строгий костюм. Стоя вместе с госпожой Марией в ожидании прибытия группы, не давала покоя своим рукам. Наконец, появился автобус.

– Моя куколка, будь спокойной и изобрази любезность, – ласково заметила ей Мария. Валентина до упора растянула губы в улыбке.

Под началом госпожи Марии она приняла и расселила первых туристов. Подавляющее большинство контингента отдыхало здесь не в первый раз, по причине чего не нуждались в разъяснениях. Знаменательное событие, вопреки ее беспокойным ожиданиям, свершилось скоро и успешно. Через короткое время прибывшее общество под радостные вос-

клицания спустилось к морю.

– Я не могу здесь больше находиться, сердце мое разрывается, мне лучше уйти, – опечалилась госпожа Мария, когда остались одни. Она искренно переживала расставание с делом всей жизни. Валентина не устояла и обняла ее, выразив тем самым свое признание и благодарность. Эта многоопытная, хитрая, но с душой, не способной навредить, женщина произвела на Валентину благоприятное впечатление.

Валентина проводила милую старушку. Вернувшись, поднялась в служебное помещение – в свою комнату. После нервной суеты решила побыть наедине с собой. Однако быстро поняла, что не найти ей скорого покоя после столь эмоционального перенапряжения. Внизу убиралась Екатерина: оживленные жильцы успели наследить и намусорить. Валентина взяла свою швабру и спустилась на помощь старушке.

Взошедшие ростки успеха заронили в ней неизведанное прежде чувство – чувство хозяйки собственной судьбы. Она знакоилась с приятным ощущением и, исполненная оптимизма, уже в ином статусе вела в мыслях нравоучительную беседу с Вадимом. За весь этот хлопотный период она не общалась с ним. Когда поздним вечером возвращалась с работы, заставляла спящим в постели. Демонстративное безразличие, безусловно, задевало самолюбие, в то же время воодушевление, которое царило в душе, умеряло обиду. «Пройдет эта непонятная блажь, откроет глаза, увидит иное и перестает»

нет дурью маяться», – не сомневалась Валентина. Поведение Вадима списала на странности мужского характера.

ГЛАВА 8

А Вадим, как запрограммированный, каждое раннее утро бесшумно вставал с постели, крадучись одевался, осторожно открывал наружную дверь и выходил к уже поджидавшим его собакам. Втроем, словно заранее сговорившись, молча, направлялись к воротам. Вадим отпирал калитку, после чего тройца трогалась в путь.

Маршрут их пролегал к морю. Одна собака медленно трусила впереди, другая сопровождала хозяина. Вся округа спала. Безлюдные улицы пребывали в покое. Отдалившись от дома, Вадим нарушал молчание

– Это был не я! Это случилось не со мной. Ибо не могло случиться по определению. Случилось с лысым пьяницей. Я только наблюдал со стороны. Это был не я! Это не случилось со мной... – несложные фразы повторял, будто произносил мантры. Собаки привыкли к его монотонному тихому голосу и, наверное, воспринимали непонятный шепот хозяина в виде необходимого элемента утренней прогулки.

Эти три души, скрепленные единой сцепкой, продвигались как неделимое целое. И только передняя собака, иногда «расслабляла» незримую цепь. Она останавливалась в определенных местах, оглядывалась на своих попутчиков, затем, когда те подходили близко, снова пускалась в дорогу.

В конце шестивия, на пригорке у моря, откуда открывался обзор на каменистый небольшой берег, теснимый к воде скалистой стеной, связь обрывалась. Первая собака, виляя хвостом, ускоряла бег. Оторвавшись от идущих за ней следом, быстро сбегала по склону, возбужденно подбегала к низкому валуну, обнюхивала его вокруг и лишь потом с чувством исполненного долга садилась на задние лапы возле камня.

На пригорке Вадим замолкал. Он спускался к бережку, подходил к охраняемому собакой валуну и садился на него. Животные располагались напротив – так уж повелось.

С удовольствием потирая руки, Вадим хитро прищуривал глаз и задавал неизменный вопрос:

– А догадаетесь, Ромео и Джульетта (надо заметить, что животные охотно и с благодарностью откликались на данные прозвища), что за прелюбопытные подробности вспомнил я? Ну-ка пораскиньте мозгами.

На команду хозяина, точнее от прямого взгляда, собаки опускали морды, от чего могло показаться, что погружались в глубокие размышления.

Каждодневные представления Вадима мало в чем различались. Молчаливые и внимательные слушатели по минутам знали, что увидят и что услышат. И все равно до жути было интересно.

Глазами незримого зрителя просмотрим одно из представлений театра одного актера.

Собаки терпеливо ждали, уткнувшись взглядом в землю.

– Хорошо, не буду испытывать ваше терпение, – прервал затянувшуюся паузу. – Слушайте! – прозвучал сигнал, наученные опытом собаки вскинули головы. – Как обычно, начну с самого начала, – тут Вадим хихикнул от удовольствия, видя две пары внимательных собачьих глаз. – Как вы неоднократно слышали, этого горе-героя, лысого мужичонку, привезли ночью в освещенную луной и занесенную снегом рощу. Никак не в дремучий темный лес, мои любезные. Везде светло, ярко светит луна, видно, понимаете, как днем. А наш горе-герой почему-то, образно выражаясь, наложил полные штаны. Мне посчастливилось лицезреть со стороны его объятые страхом лицо. Картина, признаюсь вам, редкостная. Одна смехота! Охвативший его ужас – ха-ха, оказывается, с рождения был очень впечатлительным, – так вот, ужас с такой силой подмял его волю, что в сознании единственная мысль «выжить бы» забилась в судорогах. Не возроптала, не осмелилась, а была подобна подрагивающему конечностями умирающему петуху. Вот так, смотрите, – Вадим наклонился вбок, задергал обеими ногами.

Собаки, подчиняясь природному инстинкту, разинули пасти, учащенно задышали.

– Поберегите смех, не спешите, дорогие мои. – Вадим в радости сделал предостерегающий жест руками. – То ли еще будет! Слушайте дальше. Значит, стоит он, трясется мелкой дрожью. Весь онемевший, с застопорившимся, ха-ха, взглядом.

А я скрытно, из-за дерева, наблюдаю за ним. Любопытство так и разбирает, что будет дальше, интересно ведь.

Вдруг вижу, как один бугай, ну из тех, кто с ним приехал, резко хватает, – Вадим выбросил руку, вцепился пальцами в загривок Ромео, тот моментально «захлопнул» пасть, – вот таким образом взял за шиворот горе-героя и силой повлек за собой, – Вадим сильно сжал пальцы, Ромео взвизгнул от боли.

– Смотрю, – Вадим отпустил собаку, – бугай волочит его в сторону какого-то домишки. Слежу за ним, а сам насилу сдерживаю смех: он выделывал такие выкрутасы ногами, что невозможно словами передать. Лучше изображу.

Вадим в рывке встал, принял полусогнутое положение тела:

– Вот под таким углом горе-герой плелся за бугаем. А тропинка обледенелая, скользкая. Он бьет каблуками об лед, чтобы удержаться от падения, а они, непослушные, разъезжаются. Ударяет – они опять врассыпную. Просто клоун на льду, ха-ха. И, что интересно, руки при этом тянутся к земле, пардон, к тропинке. Если не догадались почему, раскрою секрет: тянутся, потому что он лелеет надежду опереться на них и засеменить на четвереньках. Ну, чтобы не обременять ведущего, задобрить его, а заодно и заслужить похвалу. Знаете, кто втюхал ему в голову плутоватую задумку? Не знаете? Так и быть, скажу – страх, этакий разбитной малый. И все для того, чтобы поразвлечь меня и тех троих, которые

шли следом. Досадно, что проделка не удалась, не засеменял горе-герой на четвереньках, и не потому, что у этого трусливого существа поднялась гордость и воспротивилась унижительному, надо сказать, проступку. Нет! Тянувший его за шкуру слишком спешил, вот в чем причина. Жаль, а то позабавились бы на славу. Страх на выдумки горазд.

Ромео и Джульетта для удобства легли на брюхо и опустили морды на передние лапы.

– Что вы?! Не стоит сокрушаться по поводу неудавшейся затеи, – Вадим умоляюще прижал руки к груди. – В апогее рассказа он все-таки поползет на карачках. Сцена будет уморительной, обещаю вам массу удовольствий.

Вадим сел на валун.

– Однако перед этим сделаем маленькое отступление. Догадались, что я имею в виду? – собаки смотрели на него и, естественно, в какой-то миг непроизвольно моргнули.

– Правильно! – не скрыл радости Вадим. – Догадались, о чем мы с вами поговорим. Разумеется, о страхе.

В чем заключается загадка этого феномена? Вижу, вижу неподдельный интерес в ваших глазах. Оно и понятно: вопрос интригующий. Раскрываю в назидание вам суть такого интересного явления.

Задача страха состоит в том, чтобы выставить своего избранника на посмешище. Осрамить, опозорить, низвести до нуля и добить в конце. Приемов для достижения цели у него масса. Добывается своего с легкостью и веселостью. И нет

ему преград. Кроме одной – только стойкая гордость способна ему противостоять. Она, как недремлющий часовой, стоит на страже чести.

Совершит страх наскок – гордость хлестнет насмешкой. Прыгнет еще раз – сразит едким словом. И будет громить до тех пор, пока липучий враг не отстанет.

Знайте, такая гордость еще и броня атакующая. Выследить, найти, обезвредить коварного недруга – вот ее устремление! И непременно придет тот час, – Вадим возвысил голос, – когда преследуемый немощный страх в поисках укрытия не найдет ничего лучшего, как уползти под стопы гордости и навсегда пристать к подметкам.

За такую страсть надо платить гордости благодарной преданностью! Платить ежеминутно, ежесекундно. За то, что с ее силы можно уверенно стоять с прямой спиной на нестигаемых ногах.

Вадим завершил взволнованную речь. Его лицо исказилось от гнева. Пальцы стиснулись в кулак.

Беспокойство передалось собакам. Они встали, с боязнью смотрели в горящие глаза хозяина.

Вадим с горечью усмехнулся.

– А как поступил наш горе-герой? Предательски спустил свою гордость в штаны и не раздумывая бросился в объятия страха. Доверительно прижался к тому, захныкал. А новоявленный дружок, весельчак, преисполнен радости: сама дичь без усилий с его стороны попалась в руки. Готовый объект

для насмешек! Не медля, с присущей ему хваткой он берет предателя в оборот, то есть на короткий поводок, и держит для того, чтобы править им себе в удовольствие

Вадим снова перешел на иронично-веселый тон.

– И что комично, – издал смешок он, – из домишка горе-героя живым и целехоньким вызволил не кто иной, а лично сам страх. Не верите? Чтобы опровергнуть ваши сомнения, придется рассказать подробнее. Я сам там не присутствовал, конечно, но по логике вещей уморительная сцена в сторожке произошла именно так, как я вам ее опишу. Никак не иначе!

Короче, когда бугай доволол горе-героя до сторожки, он открыл дверь и пинком под зад, как половую тряпку, швырнул того внутрь помещения. Поглядел трусишка вместе со страхом вокруг себя и видит: одни бугаи стоят.

Посадили те его за стол и говорят ему:

– Возьми карты, мил человек, сыграем в урода, – по-ихнему, в дурака, значит. – Если выиграешь ты, – говорят, – получится, что мы уроды. За оскорбление, засранец, мы тебя здесь же прихлопнем. Выиграем мы – выйдешь на свободу, выпустим отсюда, но будем охотиться на тебя. Гламурная лысина твоя нам пришлась по душе, отличный скальп выйдет. Если поймаем, не обижайся. Короче, даем тебе хороший шанс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.